

ФЕВРАЛЬ 1925 Г.

ГОЛОС ТРУЖЕНИКА

ОСВОБОЖДЕНИЕ РАБОЧИХ
— ДЕЛО САМИХ РАБОЧИХ!

FEBRUARY, 1925.

PRICE 15C

RUSSIAN MONTHLY OF THE INDUSTRIAL WORKERS OF THE WORLD

ОГЛАВЛЕНИЕ

Организация — залог успеха революции	3 стр.
Путь к свободе	4 „
Физиологическая реакция и классовая борьба	8 „
Интриги г-на Утина	9 „
Социальные силы	13 „
Борьба за право на жизнь	16 „
В редакцию «Голоса Труженника»	19 „
О жизни рабочих и крестьян в сов. России	23 „
О европейской политике	26 „
Бюллетень объединенного комитета защиты револю- ционеров, заключенных и сосланных в России	28 „
Организационные заметки	31 „

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ «ГОЛОСА ТРУЖЕНИКА».

Обращаем внимание наших читателей на тот факт, что продолжение регулярного издания журнала «Голос Труженника» зависит от успешного распространения такового и от своевременной уплаты за высланные вам номера журнала.

Увеличивайте распространение «Голоса Труженника».

Уплачивайте за проданные номера без промедления.

Присылайте также добровольные пожертвования в фонд издания «Голоса Труженника».

7412156

Голос Труженика

GOLOS TRUZENIKA [THE TOILER'S VOICE]

Published Monthly by The General Executive Board of The Industrial Workers of the World.

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ: на год — \$1.50, на 6 месяцев — 80 центов.

SUBSCRIPTION RATES: \$1.50 per year; 80 cents per 6 months.

ОТДЕЛЬНЫЙ НОМЕР — 15 СЕНТОВ.

SINGLE COPY — 15 CENTS.

АДРЕС:

Golos Truzenika, 1001 W. Madison Street, Chicago, Ill.

VOL. VII. No. 4

FEBRUARY, 1925.

PRICE 15c.

ОРГАНИЗАЦИЯ — ЗАЛОГ УСПЕХА РЕВОЛЮЦИИ

Мир видел уже много революций. Их было так много, что всех и не пересчитать, так как начало их относится к глубокой древности, к первым бунтам подневольных рабов против их владельцев. Давно минувшие революционные вспышки мало кого интересуют в наше время. Теперь для более революционных элементов является животрепещущим вопрос современных потрясающих мир событий.

Хотя русская революция, также как и все предшествовавшие ей, стала достоянием истории не оправдав возлагаемых на нее надежд, все же она еще долго будет служить темой рассуждений. Конечно эти рассуждения не похожи на те, которые так занимали всех нас пару лет тому назад. То, что было — прошло безвозвратно, а перед нами осталось как бы пустое место там, где мы ожидали видеть образцовую привлекательную картину.

Нас не удивляет постоянный вопрос о том, почему это такие грандиозные события как французская, американская, германская, итальянская, русская и другие революции не могли довести дела до более благоприятного конца. Для нас понятно почему этого не случилось и не может случиться до тех пор, пока широкие массы тружеников — эта движущая сила всякой революции — являются только орудием в руках политиканов для захвата власти под звуки громогласных многообещающих лозунгов, которые очень скоро забываются после достижения цели мастерами политических дел. Но к сожалению очень многие рабочие еще не сознали этого факта и легко поддаются обману, после выяснения которого они даже не знают как это случилось и в недоумении впадают в разоча-

рование. Вот именно по этой причине следует еще и еще твердить ту истину, что — **освобождение рабочих есть дело самих рабочих** — и указывать на то, что в самом деле является залогом успеха революции. Необходимо указывать на это не для того, чтобы успокоить одного или другого взбужденного недоумением рабочего, а потому, что только что пережитые революции в Европе, в том числе и русская революция, не являются последними, потому что называют новые великие события, приближаются новые перемены в общественном строе, к которым мы должны быть готовыми и направить их в желаемое для нас русло.

Итак, в чем же мы, революционные индустриалисты, видим залог успеха революции?

Не приходится даже и говорить о том, что мы не верим в завоевание свободы посредством захвата власти и учреждения нового правительства на месте старого. Эти методы монополизированы политиками; этими методами всегда обманывали народ и они уже во сто раз прокляты и недостойны подражания. Мы видим успех революции и завоевание настоящей свободы в организованном выступлении самих рабочих, в их солидарных действиях и в понимании той цели, к которой они стремятся.

Организация, просвещение, эмансипация — суть те цели, которым должны следовать труженики в своей борьбе. Следуя им они узнают, и узнают очень легко, что та революция, в которой они будут участвовать с полным сознанием своей роли в ней, рассчитывая только на свою мощь и руководствуясь своим собственным разу-

мом, не обманет их и приведет к победе — **к полному освобождению от всех видов рабства.** Такая победа даст не только возможность всем и каждому избавиться от убивающей при капиталистическом строе душу и тело рабочего нужды во всех необходимых для жизни потребностях, но она обеспечит небывалый в мире прогресс науки и искусства.

Именно за **такую** победу мы боремся и призываем к этой борьбе всех тружеников. Надлежащая, соответствующая времени и обстоятельствам организация рабочих на местах производства, объединение в революционные индустриальные союзы, ведет к тому, что общими силами **труда,**

борьбой — **все за одного и один за всех** — будет положен конец преступному господству паразитов.

Просвещение же, все время расширяясь и возвышаясь над непроходимой тьмою, одержит победу над невежеством и поможет рабочим более разумно пользоваться своей организованной мощью.

Не сомневайтесь в победе рабочего класса. Не теряйте веры в свои собственные силы. Не поддавайтесь сомнениям, а организуйтесь. Организуйтесь для решительной борьбы до победного конца. Приобретайте чем больше знаний для того, **чтобы самим можно было вести своими делами** — без «спецов», без правителей.

ПУТЬ К СВОБОДЕ

В последнее время мы страдали от излишнего словоизлияния, которое угрожало затопить в себе всякий голос, призывающий к организации на индустриальном поприще. Постоянным криком было: «Голосуйте за Кулиджа», «голосуйте за Ла Фолета», за Фостера, за Дэйвиса и за других лиц, выдающих себя за спасителей рабочего класса.

Было бы смешно, если бы это не было так печально, следить за этими тысячами лишенных всяких прав и обворванных рабов, простаивавших целыми часами на улицах и апплодировавших чему то, чего они сами не знали, или тем лицам, которых они никогда не видели и которые никогда не узнают, были ли они избраны или нет. И эти голодающие массы примут на веру утверждение о том, что, поскольку дело касается их, они имеют два поля, на которых рабочие должны напрягать все свои усилия, чтобы добиться немного больше жизненных благ — политическое и индустриальное поприще. И все-же ни один из них никогда не вступал на политическое поприще, а всегда трудился на индустриальном поле и то только в качестве наемного раба, ищущего себе хозяина, и только очень немногие из них, если вообще таковые найдутся, которым удастся обратиться на другое поле, если не считать поля, где их похоронят на общественный счет и тем прикончат их рабское существование.

«Политическое поле» только отражение.

Имеется ли на самом деле то, что мы называем «политическим поприщем», поскольку это касается нас, рабочих? Если же имеется, то какую роль играет политическое действие в повседневной жизни ра-

бочих? Каково его происхождение и какова его природа?

Что в условиях существующего общества мы имеем определенную форму деятельности, предпринимаемой в большом масштабе и что вполне определенно можно назвать «политическим поприщем», в этом нельзя сомневаться; но приносит ли эта деятельность какую-либо пользу рабочим принимающим участие в ней — вопрос другой.

Каково же происхождение политики? Никто еще не пытался доказать, что в древнем обществе было существо, подобное «политикану», тем менее вероятности, что тогда имелось для них и так называемое «политическое поприще». Во времена примитивного коммунизма не было ни политических деятелей, ни политики. Когда средства производства, принадлежавшие отдельным лицам, лично ими и использовались, а продукты производства полностью принадлежали их владельцу, самому же рабочему, шли на пользу всего общества, а также поровну делились между участниками труда, политического правительства не существовало. Но к тому времени, когда принцип частного владения стал применяться к социально-необходимым средствам производства и плоды труда стали принадлежать собственнику этих средств, стало необходимым правительство и не для ограждения интересов эксплуатируемых рабов, как часто утверждают, а для установления таких порядков, в условиях которых было удобно и возможно эксплуатировать других.

Ни в какое время в истории эксплуатируемый человек не нуждался и не искал помощи от политического правительства. Все эксплуатируемые, каковы бы не были

условия их эксплуатации, имеют одно общее между собою: они не обладают собственностью. Они ничем не владеют и ничего не подчиняют своему контролю. Следовательно, не может быть вопроса о том, чтобы правительство могло ведать делами тех, которые никаких дел не имеют. Единственный вопрос, встающий перед политиками, это — как держать рабов в подчинении; должны ли они в этих целях прибегать к суровым методам или же умиротворять их вражду реформами; не более ли выгодно для существующего порядка вещей избивать недовольные элементы или же подчинять их своей воле посредством голода. Обе формы воздействия применялись в условиях, которые считались подходящими при создавшемся положении, и те политики, которые оказывались более способными людьми в применении этих средств в должной пропорции, в политике назывались «государственными людьми».

Революции правителей.

С самых первых дней существования производства для выколачивания прибылей, или же с первых дней появления частного владения над социальными богатствами, всякая революция и всякое восстание имело своей целью допущение новых общественных наслоений в группу эксплуататоров, а не уничтожение эксплуатации. Каждая революция за время истории имела своей целью переустройство дел эксплуататоров, касалась всегда владельческого класса и его интересов, а не интересов неимущих классов, разве только постольку, поскольку это было необходимо в целях получения согласия на дальнейшую эксплуатацию.

Великие революции 18-го века, во время которых Свобода, Равенство и Братство стали руководящими лозунгами и звездами, по которым должен идти человеческий прогресс, тоже не являются исключениями в числе других революций исторических времен. Американская революция, хотя видимо и направленная к освобождению человеческого рода, означала только увеличение числа в классе эксплуататоров. В самом лучшем случае целая половина населения была лишена собственности и единственной ее надеждой было стать в будущем членами имущего класса. Все вновь установленные «права» были правами политическими и избирательными, а также правами ограждающими эксплуатацию. Эти права касались неимущего класса только постольку, поскольку правящий класс боялся, что поработенные могут уничтожить право частной соб-

ственности на социально производимые товары.

Стоны мелкой буржуазии.

С тех пор класс эксплуататоров очень быстро сокращался численно и, как следствие, недовольство становилось более глубоким. Вытесненная мелкая буржуазия кричит относительно утраченных идеалов, относительно демократии, выбрасываемой за борт и требует реформ. Она протестует против политиканов и вполне справедливо, так как политиканы не отстаивают ее прав. Да и правда, разве она не пользовалась ограниченным полем, на котором она могла действовать в «старое доброе время», полем, которое теперь отнимается у нее? Разве различные тросты не вытесняют ее из среды эксплуатирующего класса и не бросают ее в ряды класса эксплуатируемых этой нации? Разве мясной трост, крупные бакалейные фирмы с тысячами магазинов и огромные фабрики с тысячами отделений по всей стране, не вытесняют мелкого мясника, кузнеца, портного, сапожника и бакалейщика на углу улицы — людей, которые раньше могли эксплуатировать около дюжины людей? Разве эти «граждане» не были фундаментальной основой для нашей «демократии»? Конечно, они были. И теперь все эти люди вынуждены присоединяться к огромной массе эксплуатируемых людей.

Сильный крик о «демократии», в котором голос Вудро Вилсона выдавался больше всех, не значил ничего кроме сохранения права мелкой буржуазии продолжать свое существование эксплуатацией. Когда эта буржуазия требовала ограничения сфер, в которых действовали тросты, она никогда не думала ограничивать степень эксплуатации, а только сферу ее. Она не имела намерения требовать ограничения эксплуатации вне сферы деятельности стального троста или же полного прекращения ее в стальной индустрии в целом; мелкая буржуазия, наоборот, настаивала, чтобы ей было предоставлено право эксплуатации в стальной индустрии, вне сферы действий стального троста. Поскольку дело касается рабочих, программа мелкой буржуазии для них означает только перемену эксплуататора, т. е. вместо того, чтобы работать на одного крупного капиталиста, они должны работать на многих мелких эксплуататоров. Относительно же степени эксплуатации, можно с уверенностью сказать, что, если бы такая перемена и произошла, то она была бы переменной к худшему.

Распределение богатств.

Политиканы нам говорят при посредстве

правительственных органов, что более 70 процентов населения в Соединенных Штатах владеют меньше, чем 3 процентами всех богатств нации. Вполне уместно предположить, поэтому, что эти 70 процентов населения, хотя они и не получили особой подготовки в управлении, могут успешно править своими 3 процентами богатств не прибегая к помощи особо избираемых и высоко оплачиваемых «правителей». Фактически же все богатства, находящиеся во владении рабочего класса не играют никакой роли в системе правительства, руководимого политиками. Важно только одно: не допустить, чтобы рабы, произведшие эти богатства, не захватили их в свою пользу; важно оградить теперешних владельцев, не добывших этих богатств.

Индустрия создает богатства.

Все богатства, находящиеся во владении одного или другого класса, того или другого человека, были созданы на индустриальном поприще. В создании таких богатств политики не принимают никакого участия. Их единственная функция состоит в распределении этих богатств — не в распределении их среди тех, кто производит, в форме заработка, а в распределении тех богатств, которые были украдены от производителей в форме прибавочной стоимости, созданной на индустриальном поприще. Уничтожьте эту прибавочную ценность и политики не будут иметь ничего, чем бы они могли управлять.

Политиканы имеют только одну функцию: управлять богатствами, отнятыми от производителей. Их задача состоит в сохранении за эксплуататорами прав на эксплуатацию. Их задача состоит также в ограждении богатств таким образом приобретенных от посягательств со стороны тех, от кого эти богатства были отняты. Что же касается нас, то политиканы не имеют по отношению к нам никаких функций, которые они могли бы выполнить, так как мы не имеем ничего, чем они могли бы управлять, за исключением разве только продажи нашей рабочей силы, а такая продажа не может быть совершена каким-либо политическим действием и последнее не может ее регулировать. Наша рабочая сила — своего рода рыночный товар, предлагаемый на продажу и подчинен тем же самым экономическим законам, которым подчинены все другие продаваемые товары.

Конец политиканам.

Если только рабочие прекратят производство в целях извлечения прибылей и начнут производить только на свою соб-

ственную пользу, что станет с политиками? Предположим, что рабочие не будут производить прибавочной ценности, что все рабочие будут получать полный продукт своего труда в обмен за свою работу, — что станет тогда с «политическим поприщем»? Могло бы оно существовать? Что бы осталось для государственных мужей и политических правителей, чем бы они могли управлять? Они бы оказались у нас настолько же полезными, насколько полезны они могут быть в районах Австралии и Африки, населенных бродячими племенами негров, или же среди индийских племен до появления белых людей на этом континенте.

В то время, как существование «политического поприща» обусловлено существованием системы эксплуатации тех, кто трудится — узаконенного грабежа, индустриальное же поприще, наоборот, необходимо для всей человеческой расы. Без объединения усилий всех полезных членов общества на индустриальном поприще, человечество не может существовать, а с уничтожением «политического поприща» общество извляется от излишней ноши. Какую бы позицию не занимали рабочие, они всегда будут вынуждены действовать на индустриальном поприще. В этом отношении это не дело мнений, как это существует на «политическом поприще»; это вопрос крайней необходимости, вопрос действий, навязываемых нам независимо от того, идут ли эти действия наперекор или в соответствии с нашими предвзятыми мнениями или принципами. Следовательно, поскольку дело касается нас, наемных рабочих, для нас не существует так называемого «политического поприща». Имеется только проблема уничтожения эксплуатации, ограбления одного человека другим тем или иным способом, узаконенным или нелегальным, а это может быть сделано только теми, кого обируют и в том месте, где их обируют, а не группой администраторов тех богатств, которые были отняты от нас.

«Политические действия» — обман.

Товарищи-рабочие, забудьте все толки относительно «необходимости политических действий». Не беспокойтесь о том, что вас лишают национальных богатств. Не беспокойтесь, что от вас отнимут «Ти Пот Дом» или другие нефтяные источники, национальные леса или же земли. Мы не владеем ничем подобным. Мы не имеем достаточно масла для того, чтобы смазать тачку, не говоря уже о богатых бьющих фонтаном нефтяных источниках. Если Синклер или Догени не захватят нефтяных земель, Рокфеллер получит их. Если Гэри

КУЮТ ОРУДИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ.

Вместе, мужчина и женщина, куют орудие, при помощи которого они достигнут освобождения. Рука об руку, дружно, решительно и взаимно они выполняют общее дело. Женщина теперь вошла в индустрии; индустриальная свобода равносильна ее свободе и свободе мужчины. Об'единенные для этой цели, пусть они куют орудие организации, пусть формируют молот, которым они сокрушат стены экономической тюрьмы.

не сможет захватить всех месторождений железной руды в мире, вы не получите их до тех пор, пока вы остаетесь наемными рабами. Все, что мы имеем, это — наша рабочая сила, и мы бродим по большим дорогам и просим, чтобы кто-либо взял эту силу. Наше богатство состоит только в нашей нищете, и нет политикана или паразита, который захотел бы лишить нас этого достояния. Организуйтесь на поприще, которое касается нас, как производителей мировых богатств — на индустриальном поприще. Дайте возможность политикам и паразитам, чтобы и они могли использовать свои административные способности непосредственно в местах производства.

Уничтожьте армию безработных соответственным сокращением рабочего дня и обеспечьте для производителей полный продукт труда непосредственно на поприще, где мы заняты производством, и тогда все заботы политиканов отпадут сами по себе и сам социальный дуализм в форме «политических действий» и «индустриальных действий» перестанет существовать. Поставьте политиканов и их начальников, капиталистов наших дней, на полезную работу вместе с собою на индустриальном поприще и все наши социальные вопросы будут разрешены на долгое время.

П. Велиндер.

Физиологическая реакция и классовая борьба

Наш век — век чудес; человек преодолевает и побеждает силы природы. Теперь он в состоянии перелетать через океаны на аэропланах и при помощи радиографа переговариваться со всеми частями света.

Каждый день мы являемся свидетелями новых открытий; новые машины означают победы над природой. И все это в конечном счете, является продуктом невидимой силы — человеческого разума.

Несмотря на такой прогресс, человек остается неудовлетворенным. Как быстрота прогресса, так и степень его побуждают человека действовать еще более энергично. Он преуспевает и сразу же вырабатывает новые планы побед в механике.

И все же человек несчастен, возможно потому, что он — раб. Свободы он не добился, потому что до сих пор остается жертвой экономической системы эксплуатации.

Так как экономика и счастье тесно связаны друг с другом, прогресс может быть достигнут только серьезным применением приобретенных научных познаний. Каждый рабочий должен познакомиться с физиологией для того, чтобы поддерживать свое здоровье, которое является фактором счастья.

Большинство людей думает, что счастье состоит в еде и питье. Их логика, если их воззрения вообще могут быть названы таким высоким термином, заключается в том, что едой и питьем в полную меру они достигают счастья. Это, разумеется, — очень серьезная ошибка. Большинство болезней среди рабочих причиняется крайним пренебрежением ко вместимости желудка. Хороший желудок — основа хорошего здоровья, и, чтобы сохранить желудок в хорошем состоянии, необходимо быть осторожным.

Очень многие из рабочих не обращают внимания на самих себя и пренебрегают своим телом и его нуждами.

Желудок — главный орган пищеварения и его задача состоит в превращении орга-

нических и неорганических веществ в элементы, пригодные для крови, тем самым давая энергию тканям тела.

Ни одно из животных не может существовать, если оно не получает средств к существованию от окружающей обстановки, и в этой своей работе собирания и ассимилирования веществ, необходимы механические и химические перемены. В этой работе желудок выполняет существенные функции процесса пищеварения.

Желудок представляет из себя мешок, соединяющий наше горло с кишками. Рабочий, как хранитель своего тела, должен быть очень осторожным со своим желудком. В большинстве же случаев он злоупотребляет им, относится к нему так, как хозяин относится к своему рабу и заставляет желудок получать больше пищи, чем это нужно. Очень часто желудок поднимает бунт против такой тирании, и выбрасывает пищу.

Старая пословица говорит нам, что «можно подвести лошадь к водопойлу, но нельзя заставить ее пить насильно». С одинаковым весом это относится и к желудку. Нельзя заставить желудок принимать недоброкачественную или нехорошо приготовленную пищу, и, если человек не считается с этим, он несет наказание. Это наказание революционно и на общем языке

СОЦИАЛЬНЫЕ СИЛЫ

II

Классовые интересы.

Классовое деление в капиталистическом обществе является экономическим фактом с такими очевидными последствиями, что было бы прямым безумием отрицать или игнорировать это. Намеренно отрицать это или беспечно игнорировать не изменит положения вещей и не уничтожит этого. Это деление будет оставаться видным фактом, пока существует капиталистический строй общества, будет тревожить его и угрожать ему.

Что многие из рабочих не могут видеть или же не хотят допустить действительности классовой борьбы, еще не заставляет ее исчезнуть, также как страус не может заставить уйти охотника, когда он прчет свою голову в песок. Представление о том, что класс хозяев и рабочий класс имеют общие интересы, отрицается повседневным опытом рабочих. Если даже рабочие и принимают на веру доктрину об общности интересов капиталистов и наемных рабочих, у них всегда существует сомнение в справедливости ее даже в то время, когда они ее признают. «Свобода» наемных рабочих не позволяет им свободно излагать свои мнения. Выразить мнение, идущее вразрез с хозяйскими интересами, служит достаточной причиной для увольнения со службы или же отказа в предоставлении занятия. Поэтому мы находим, что «свободный рабочий» очень нуждается в независимости. Он подписывается под доктринами, в которые он не верит и принимает их без всякого протеста.

Двуличие.

Ни один, кто работает в индустрии как наемный рабочий, в действительности не верит, что такая тождественность интересов имеет место; не верят этому также и сами капиталисты. В интересах капиталистов, однако, сделать так, чтобы рабочие верили в это, а поэтому нет ничего удивительного в том, что капиталисты делают все возможное, чтобы показать, что они глубоко верят в тождественность своих интересов с рабочими интересами. С самых ранних дней капиталистического режима капиталисты предпринимали все меры предосторожности на тот случай, когда вся ложность этой идеи будет понята и вскрыта и их господству положен конец.

Мэдисон еще в 1787 году предостерегал против опасности, угрожающей со стороны неимущего класса, допуская тем самым

враждебность интересов. Он писал: «В будущем большинство людей не будет иметь не только земли, но и никакой другой собственности. Они объединятся под давлением общности своих интересов; в данном случае право собственности и общественной свободы не будет обеспеченным в их руках, или, что еще более вероятно, они станут орудиями личных стремлений и роскоши; в данном случае будет иметься одинаковая опасность с обеих сторон».

Боязнь, что рабочие сознают факт наличия классовой борьбы в человеческом обществе, всегда существовала в сознании капиталистов. Они и их защитники делают все возможное, чтобы доказать прелести свободы, которой якобы пользуются рабочие, но подобно Мэдисону, они не обманывают себя на этот счет. Рабочим льстили так много, что они начинают и на самом деле думать, что они пользуются свободой, которая в действительности не имеет ни сущности, ни реальности. «Свобода» рабочих в капиталистическом обществе только маскирует за собою самое подневольное рабство, которое когда либо приходилось сносить классу рабов в прошлом. Это рабство — порабощение одного класса людей другим, рабочего класса классом хозяев. Подневольный раб имел своего единого хозяина, который чувствовал по отношению к рабу, как к своей личной собственности, некоторую ответственность. Если его рабство было не прикрытым, его квалификация как собственности, обеспечивала ему некоторое уважение, которым не пользуется его потомок, наемный раб, в капиталистическом обществе.

Раб имел своего барона или помещика. Он был все время привязан к определенному клочку земли, и, если характер положения раба был вполне определенным и процесс его эксплуатации вполне ясным, все же его хозяин сознавал некоторую ответственность перед ним и проявлял во всяком случае некоторый интерес в том, чтобы раб был здоров физически. Крепостной крестьянин также занимал вполне определенное положение и имел определенный стаж.

Нечто другое наблюдается в жизни «свободного» наемного рабочего. Никто не знает какой-либо ответственности по отношению к нему. Его место жительства остается неопределенным и он не имеет стажа. «Свобода» наемного рабочего является необходимым условием для его порабощения. Его рабочая сила принадлежит

КАКАЯ МЕЖДУ НИМИ РАЗНИЦА?

ему и он «свободен» распоряжаться ею без вмешательства со стороны какой-либо власти. И это—единственная вещь, которую он только и может продать. Это и ограничивает его свободу—он свободен продать свою рабочую силу. Но он должен продавать ее, так как только продавая ее он и может жить. Существование капитализма обусловлено наличием такого класса, который свободен продавать и должен продавать свою рабочую силу; больше этого, этот класс должен быть таким, который не имеет никаких средств для применения своей рабочей силы в своих личных интересах и своих целях. Наемные рабочие—пролетариат—являются поэтому необходимым элементом. Элемент наемных рабочих «освобожден» от всех средств, при помощи которых он мог бы снискать себе пропитание без продажи своей рабочей силы капиталистическому классу.

Но, так как рабочие свободны покидать своего хозяина, когда они этого пожелают и тем самым якобы показать, что они пользуются личной свободой, они с трудом могут понять тот факт, что человек,

как член класса, занимающего рабское положение, сам является рабом. Так как хотя рабочий и может отказаться от труда, который его не удовлетворяет, он вынужден в условиях капиталистического общества угрожающих ему нуждой и лишениями, искать себе другого хозяина. Иначе говоря, не в пример средневековому рабу, он не является рабом какого либо одного капиталиста, а является рабом всего капиталистического класса. Продавая свою рабочую силу часами, он фактически продает себя на условиях с уплатой частями. Его право на «жизнь» также пусто, как кошелек попрошайки, т. е. оно не включает в себе права на средства к жизни, не предоставляет ему возможности пользоваться своими производительными силами для обеспечения жизни. Средства к жизни находятся в руках капиталистов.

Свобода для всех или никого.

Что рабочий является рабом по причине своей принадлежности к классу рабов означает, что он не может добиться личной свободы для себя до тех пор, пока не

освободится класс, к которому он принадлежит. Только когда будет уничтожен рабский характер рабочего класса, его члены будут свободны.

Попытки капиталистов направлены к тому, чтобы продлить существование современного порядка вещей, результатами которого они главным образом и пользуются. Рабочий же класс, в большинстве своем чисто инстинктивно, стремится оказать сопротивление попыткам капиталистического класса, который он находит порабощающим. Рабочие еще не привыкли мыслить и действовать как класс. Классово-сознательные люди среди рабочих стараются выяснить последним то положение, которое они занимают в обществе и воодушевить их на борьбу к освобождению от рабских оков и к завоеванию свободы. Это — классовая борьба, борьба между хозяевами, пытающимися продлить существующий порядок вещей и рабочими, стремящимися изменить его.

Повседневная жизнь в индустрии полна примеров и доказательств того, что рабочие и хозяева не имеют общих интересов. При всякой точке соприкосновения имеются доказательства того, что между ними существует, наоборот, постоянная вражда. Хозяева, например, всегда стоят за удлинение рабочих часов; рабочие же, наоборот, стараются всегда сократить их. Требование о повышении заработка или заявление хозяина о сокращении зарплаток опять-таки неизбежно ведут к борьбе между сторонами. Улучшение в санитарных условиях труда, или в чем-либо другом, когда на этом настаивают рабочие, всегда встречает отказ хозяина и улаживается в результате стычки. Нет такой точки, где бы рабочие и хозяева встречались и не действовали как противники.

Эксплуатация рабочего класса классом хозяев является особенно важной чертой капиталистического общества и на это то рабочие должны обращать особое внимание. Что многих рабочих капиталисты заводят в заблуждение, дают им часть наживы, которую они сами создали и тем самым ставят их в оппозицию к большинству рабочего класса, еще не опровергает справедливости этого утверждения. Двойственный характер положения многих рабочих тоже не может быть отрицанием классовой борьбы. Когда, например, фермеры протестуют против некоторых форм капиталистического владения, они выступают с своей стороны притязания как производители; когда же они нанимают себе рабочих, они действуют как эксплуататоры. Они относятся к капиталистам как рабочие, а по отношению к рабочим как

капиталисты.

С развитием капиталистического владения к высшим и более могучим формам классовая линия в обществе становится более определенной и заметной. Ничего не имеющие наемные рабочие, являясь величайшими жертвами наступающего капитализма, по необходимости были первыми, вынужденными вступить в борьбу с капиталистическими силами. И, если в замешательстве плохо объединенных и организованных сил, они наносили ущерб другим элементам из рабочего класса, то это происходило только потому, что элементы, понесшие ущерб, ошибочно выступали против борющихся рабочих и объединялись с капиталистическими силами.

По мере того, как растет «либеральное мнение» под влиянием стремлений рабочего класса, воинственные силы капитализма разряжаются и их мораль слабеет. Чем яснее линии деления, вдоль которых сражаются рабочие, тем легче их борьба, тем легче они добиваются цели.

Ясность линий, отделяющих экономическое господство и экономическую зависимость затемнена влияниями, которые находятся под контролем капиталистического класса. Представление о том, что всякий человек является господином своей судьбы и что его положение в обществе является результатом или отражением его личных способностей и талантов, все еще господствует, хотя этому и противоречат все известные факты. Это то обстоятельство и делает более трудным признание рабочими классовой борьбы. Эта идея медленно умирает, но она умирает. Ей было нанесено слишком много ударов, от которых она не сможет оправиться.

Обстановка высших служащих на предприятиях в своих социальных, культурных и интеллектуальных отношениях, делает их всегда готовыми отождествить себя с капиталистическим классом. Условия жизни их можно считать благоприятными, на столько благоприятными, что все переменны, к которым стремятся рабочие, едва-ли смогут улучшить их положение в ближайшем будущем. Даже больше, эти элементы склонны опасаться при наблюдении движений со стороны рядовых рабочих, что в случае успеха их положение может ухудшиться. До тех пор, пока рабочее движение не принимает таких размеров, которые бы обещали им успех, эта часть рабочих будет находиться на стороне капиталистов и вести борьбу против остальных рабочих.

Интересы рабочего класса, представленные в настоящее время воинственной частью его, будут встречать оппозицию

со стороны этого и всех других элементов, стоящих вне непосредственной экономической рабочей сферы — вне рабочих физического труда в индустриях.

Пролетариат должен также вести борьбу против влияний, разлагающих его изнутри, направляемых и контролируемых сеющими раздоры элементами, которые ослабляют рабочие ряды. По мере того, как он будет преуспевать в этом, он будет приобретать солидарность и единство до тех пор, пока в конце концов он не сможет вступить в решительную борьбу с капиталистами и поразить его силы, которые могут существовать только благодаря поддержке, получаемой из рядов самих же рабочих. Уклонение и предательство этих капиталистами контролируемых рабочих не представляют, однако, непреодолимого препятствия. Они даже несознательны и отчасти являются невольными сторонниками грядущей революции. Удаление капитализма из индустрий зависит от организованной сознательности рабочего класса. Все другие факторы уже имеются налицо. Когда такая организация будет создана, режим капиталистического государства будет уничтожен без момента промедления в индустриальном производстве или же слишком серьезного потрясения для общества.

Пока же этот день не достигнут, класс капиталистов и класс рабочих не смогут иметь между собою ничего общего.

Рассвет этого дня принесет с собой прекращение постоянной вражды. Тогда те, кто работают в индустриях, будут и владеть ими и производство не будет задерживаться или же нарушаться враждой, проистекающей из анти-социальных факторов присущих капиталистическому хозяйству.

Примечание. Иллюзия, порожаемая условной и ограниченной личной свободой в капиталистическом порабощении рабочего класса служит маской для сокрытия самых ужасных последствий, проистекающих из этого — безработицы, т. е. таких периодов, когда многие из все время возрастающего числа рабочих не в состоянии найти себе труда и оказываются лишенными средств к жизни. Хотя рабочий и свободен бросить свой труд всякий раз, когда он не удовлетворен заработной платой, часами труда и другими условиями, он не может продолжать свою работу, когда производство сокращается. В таких случаях его право бросить работу угрожает ему лишением работы вообще, а это равносильно лишению права жить.

Канаван.

Борьба за право на жизнь

Было сказано, что «жить имеет право только сильный». Так оно в самом деле и есть. **Но жить хочет каждый**, какова бы ни была его жизнь. Это очевидно из действий самих людей, в особенности если их жизни угрожает опасность, когда, как говорится, «утопающий хватается за соломинку».

В действительности живут только немногие — богачи, а громадная масса народная прозябает, влачит жалкое существование. Те, которые имеют всего вдоволь, хотят еще больше; неимущие же постоянно заботятся о том, дабы хоть отчасти удовлетворить своим неотложным потребностям. Если богачи увеличивают все больше и больше свое состояние, так они делают это за счет бедных, и, наоборот, если бедняки удерживают за собою более значительную часть ценности продуктов своего труда, так богачам достается меньше. И вот на этой то почве и ведется непрерывная борьба искони веков и это есть ничто иное, как борьба за жизнь. Именно за жизнь, так как сама жизнь разнo понимается враждующими классами общества. Для одних она заключается в постоянном обжор-

стве, в стремлении к власти, в удовлетворении своего тщеславия; для других — в более или менее сносном существовании, в котором им все время отказывают, в достижении тех знаний, которые от них так ревностно скрываются, и в стремлении к свободе, за которую их преследуют, закупают в тюрьмы, морят голодом и убивают.

Действия как одних, так и других следует понимать как явления, присущие угнетателям и угнетенным, но одни и другие борются за жизнь, в различном смысле, конечно.

Богачи, увеличивая свое состояние и укрепляя власть, тем самым несут разорение и смерть миллионам тружеников, в то время как всякое, хотя даже самое малое завоевание последних, т. е. рабочих, дает им возможность свободнее вздохнуть, обратиться с силами для новых и более уверенных атак на твердыни векового врага — капитализм и поддерживаемый им несправедливый общественный строй.

Видя перед собою непрерывную, но пока еще с незначительными результатами

борьбу двух различных по своему социальному и экономическому положению группировок людей, некоторые рабочие часто ставят такой вопрос: «стоит ли вообще принимать участие в революционном движении?» Приходится слышать еще и такие заявления, что «организации рабочих появляются и существуют потому, что лидеры того желают». Конечно, говорящие так товарищи не сознают того факта, что борьба неизбежна и неотвратима в том обществе, в котором нет равенства для всех членов его и в котором существует деление людей на противоположные один другому классы.

Мы, рабочие, являясь угнетенным и обираемым классом, вынуждены силою обстоятельств восставать против дритесителей, или же, в противном случае, прекратить свою жизнь без сопротивления. Но человек, в существо которого заложен природой инстинкт самосохранения, не может покорно умирать под кнутом насильников. Он естественно сопротивляется и будет сопротивляться каждой попытке закабалить его.

Первоначальные бунты подневольных рабов, а впоследствии восстания «вольных» наемных рабочих непрерывной чередой чередуются одно за другим на протяжении многих веков и дошли до наших дней, сохранив свою главную первоначальную причину. Было пролито море крови, пали миллионы людей и только потому, что одни, обладая силой и властью, не могли терпеть оспаривания их права на правление миром, а другие, совершенно естественно, боролись за право на более или менее самостоятельную жизнь. Иначе говоря, одни боролись за барство, другие — за человеческое существование.

В наше время борьба за жизнь имеет свои преимущества перед предшествовавшей нам. Теперь выступления рабочих против угнетателей не являются чем-то неопределенным. Эти выступления все более и более становятся определенными, а сопровождающие их требования обоснованными и затрагивающими социальные и экономические основы общества в самом корне. Главная надежда современных борцов за жизнь и свободу возлагается на организацию, как фактор, который с успехом можно противопоставить объединенной силе плутократов, если эта организация заложена на прочном фундаменте, а ее составные части и все участники спаяны цементом солидарности и сознанием главной общей идейной цели для будущего строительства общества.

Смотря на борьбу за жизнь в таком виде в каком она стоит перед нами теперь, мы

с некоторой радостью можем констатировать, что рабочие своим героическим поступком вперед к созданию организации и достижению знания, стали достаточно сильными для того, чтобы обеспечить себе более подобающее место в обществе. Рабочие, своей организованной силой, заставили правителей признать их право пользоваться более короткими часами труда и лучшими санитарными условиями в производстве. Было немало и таких случаев, когда рабочие, хотя кратковременно, являлись в некоторых местах господами положения дел. В отношении к рабочим Америки можно сказать, что они еще сравнительно недавно и к сожалению в малом масштабе начали проявлять вполне сознательно и по своей собственной инициативе организационную и просветительную работу, направленную к завоеванию лучшей и свободной жизни. Это явление имеет крупное значение потому, что оно исходит непосредственно от самих рабочих и против воли и желаний вечно тормозящих рабочее движение политиканов.

Революционная борьба рабочих за признание за ними человеческих прав на жизнь не всегда была успешной главным образом потому, что постоянно, помимо террора правящего класса, сопровождалась и предательскими поступками политиканов, непременно норовящих иметь под своим контролем рабочее движение. В Америке только с появлением организации И. Р. М. рабочие впервые стали участвовать сами по себе в революционной борьбе сознавая свою роль в ней. До настоящего времени угнетенные массы были ничем иным как орудием в руках господствующего класса, который пользовался ими в целях наживы, подобно тому, как пользуются домашним скотом. Правящий класс стремится поставить рабочих в свою зависимость в такой мере, в какой животные зависят от человека. На молочных фермах, например, подбирают коров с целью получения большего количества молока или же откармливают скот подобным способом на убой. В этом деле достигнуты огромные результаты и посредством многочисленных опытов созданы особые породы скота приносящего большую пользу, чем обыкновенная простая порода. Но если этих на первый взгляд сильных животных оставить без ухода и предоставить самих себе, так несомненно они бы очень сильно пострадали и неизбежно выродились бы; они перестали бы приносить их владельцу ту огромную пользу, которую давали раньше. То к чему стремятся капиталисты сводится непременно к тому, чтобы поставить в свою зависимость рабочих

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ?

Если повнимательнее всмотреться в то, что повседневно происходит вокруг нас, хотя бы в таком городе как Чикаго, изобилующим разбитыми, физически и духовно, рабочими, так без всяких к тому наставлений неизбежно будет сделан вывод, самым резким образом осуждающий капиталистический строй общества.

В данном случае обратите ваше внимание на так называемую «первую помощь» тем, которые недоброй волей капитализма вынуждены стоять по целым часам в «хвосте» и ждать очереди получить тарелку супу в каком-либо благотворительном учреждении. Как бы ни было унижительным для ЧЕЛОВЕКА получение такой «помощи» от тех, на которых он трудится всю свою жизнь, но голод — ужасный бич и вынуждает его к этому.

Да, мир полон нищеты, он задыхается под тяжестью всяческих бедствий. А благотворительность только помазывает мазью язвы, разедающие общественное тело и делает более продолжительной агонию «обреченных».

Мир принадлежит сильным. Сделайтесь сильными, объединяясь в организации, и завоюйте миром. Тогда будет существовать настоящий, всемирный общественный фонд. И он будет существовать не для того, чтобы из него черпали ничтожные подачки. Этот фонд будет состоять из всей совокупности богатства, созданного производительным гением человечества — богатства, являющегося общим достоянием всех людей, созданного общественным трудом, организованным на братских началах, и распределяемого точно также на началах равенства и братства.

Тогда никто не будет стоять в «хвосте» и ждать ничтожной, унижающей человека подачки.

в такой мере, в какой зависят от человека «культивированные» породы скота. Плутукраты применяют все способы, чтобы убить в рабочем все человеческое, превратить его в придаток машины и выжимать чем больше продуктивности в самый короткий срок. Для достижения этого создана особая система воспитания и привития ложных понятий о зависимости трудового элемента общества от хозяев и государства. Одураченный рабочий окончательно добывается в потогонных мастерских, в фабриках и заводах, где изнурительный труд

лишает его способности мыслить. Но кроме этого борьба за существование осложняется еще и постоянным спутником капитализма — безработицей.

Но может ли многомиллионная масса тружеников опуститься так низко, чтобы всецело покориться воле хозяев и перестать искать выхода из рабского положения? Должны ли мы, рабочие, в своей жизни стараться быть только полезными для хозяев и не заботиться о себе?

Если мы хотим стать независимыми в борьбе за обеспечение нашей жизни и за

осуществление более справедливого общественного строя, так выход из созданного капитализмом и его слугами тупика — только один: нам нужно организоваться и организоваться в революционные экономические союзы производителей там, где мы являемся объектом для эксплуатации и наживы; нам нужно организоваться на местах производства и доказать хозяевам нашим действием, что не мы зависим от них, а они — от нас, как производителей, создателей всех богатств общества, ведущих развитие и прогресс общества.

Такая организованная борьба не является, как некоторые говорят, борьбой за

пятикопеечную прибавку. Это не означает и того, что мы хотим только немного больше лучших вещей в жизни для себя. Эта борьба не касается только нас как членов известной организации, составляющих пока очень малую часть в сравнении со всей рабочей массой. Эта борьба одинаково относится ко всякому члену великого, но угнетенного, бесправного и вечно обираемого рабочего класса, и сводится она к сохранению всей человеческой расы гораздо больше, чем мы можем представить себе.

Это — борьба за право на жизнь.

В. Булыжник.

В редакцию „Голоса Труженика“

Уважаемые Товарищи!

Я хорошо знаю, как неприятна наша внутренняя полемика. Я вполне разделяю обычное нежелание товарищей давать этой полемике место на страницах наших печатных органов. И если бы в данном случае дело шло о простой полемике, я не стал бы докучать товарищам и читателям. Однако, дело здесь не в полемике.

«Амер. Изв.» и «Волна» дали место ряду статей, взводивших известные обвинения на меня, на товарищей и на группу, к которой я принадлежал. Ответ на обвинения, защита от обвинений не есть полемика. Но когда я послал в «Волну» этот ответ, ред. коллегия отказалась его поместить. Таким образом, я был лишен возможности защиты. Вот почему, товарищи, я вынужден просить вас дать этой защите место в вашем журнале.

Еще одно. Если бы даже я, не придавая особенного значения всяким наветам и не желая публично размazyвать наши слабости, решил, в конце концов, игнорировать это дело и не посылать вам своего «Ответа», то теперь, когда «Америк. Изв.» превратились в ежедневный «Рассвет» (вернее, «Закат») — мешанскую газетку, стоящую «выше классовых интересов», проповедующую строительство «на новых началах не узко-классового характера, а на почве трезвого и просвещенного гуманизма» («Рассвет» № 163), не брезгающую сотрудничеством г. Ивана Окунцова и приобретающую все более «истинно-русский» характер, — теперь я считаю совершенно необходимым опубликование моего ответа. Быть-может, он даст лишний повод честным и мыслящим товарищам серьезно задуматься над положением нашего движения в Америке, над идейным и нравственным

уровнем тех, кто нас гонят, а Окунцовых приемлют.

Пусть товарищи посмотрят и посравняют. И пусть сделают необходимые выводы.

Именно ради движения — необходимо разоблачать «рассветовцев». Необходимо определенно и резко отмежеваться от их «начал». Необходимо очистить движение от этой пошлости.

С тов. приветом

Волин.

Янв. 1925 г.

О НАШИХ «ВНУТРЕННИХ ДЕЛАХ».

(Ответ Роберту Эрманд, Агнии и А. Солонович, Дельте и др.)

Мне стоит усилия взяться еще раз за перо, чтобы ответить на некоторые новые выпады в „Ам. Изв.“ и „Волне“. Я давно решил оставить всех этих людей в покое. Я считаю противоречащим нашим (и, в частности, моим) понятиям о товарищеском споре перебранку, которая по самому своему характеру оставляет все время в стороне подлинное существо вопроса, и в которой на каждом шагу прибегают к неустыжким приемам полемики. Я считаю, что мы, анархисты, можем и должны позволять себе роскошь всегда прямо, открыто и честно говорить о существе дела. Мне претит обычное литературное паясничанье, с помощью которого, вместо серьезного спора по существу, ходят вокруг да около вопроса, стараясь, главным образом, „поддеть“, побольнее уязвить, почувствительнее лягнуть противника. Я готов предоставить людям „паясничать“ в этом смысле, сколько им угодно, и ни в коем случае не хочу становиться на тот же путь. Если я, тем не менее, еще раз берусь за перо, то потому, во-первых, что в данном случае задаются вараду со мной другие товарищи и даже организации, к которым я имел или имею то или иное отношение, и которые поэтому вправе ожидать от меня разъяснения или ответа; потому, во-вторых, что я, все же, надеюсь получить хоть некоторую возможность выдвинуть и осветить самое существо дела.

„Если Волин заявляет Берлинской группе, что он не видел в Бутырской тюрьме ни меня, ни Хархардина, то мне думается в этом случае, что ему просто изменяет память. Поэтому, быть может, он и утверждает, что с Эрмандом и Хархардиным он никогда в Бутырской тюрьме не сидел. А мне ведь помнится, что, когда Орловскую группу (и меня в том числе) перевезли из Орловской тюрьмы в Бутырскую тюрьму, я встретил там Волина, разговаривал с ним кое о чем, выступал с ним на одном вечере (посвященном памяти Кропоткина). На этом вечере выступал также и Хархардин. Все это было после смерти Петра Алексеевича. Значит, Волин либо очень скоро забывает прошлое, либо сознательно искажает истину. Эту справку я пишу совсем не для того, чтобы попасть в то бы то ни стало в следующее издание „списка преследуемых анархистов“, а только для того, чтобы сказать Волину, что не подобает взрослому человеку (а тем более анархисту) говорить людям очевидную неправду. Нельзя вводить также в заблуждение своими заявлениями и Берлинскую группу, которая пишет ради защиты Волина некоторое „опровержение“ и... ничего не опровергает“.

Так пишет Роберт Эрманд („Искажения истины“. — „Волна“, № 54).

Вернемся к началу и существу этого „нелепого спора“ (по выражению того же Эрманда).

В № 48 „Волны“, в статье „О наших разногласиях“ В. Худолей заявил, что „г. Волин не нашел нужным включить в этот список даже тт. Эрманда и Хархардина, вместе с ним просидевших в Бутырской тюрьме несколько месяцев“. Этим мне было брошено открытое обвинение в том, что я умышленно оставил вне списка тт. Эрманда и Хархардина, т.е. пристрастно, недобросовестно составлял список. — Таково начало „нелепого спора“. — Так-как этого на самом деле не было; так-как обвинение было, следовательно, неправильно, и отсутствие в списке Эрманда и Хархардина объясняется совершенно другими причинами, то В. Худолей и было отвечено: 1) что я списка не составлял; 2) что я лично знал как-раз очень немногих товарищей и дал лишь ничтожную часть биографии; 3) что никто из составителей списка не имел достаточных сведений ни об Эрманде, ни о Хархардине; и 4) что, насколько я помню, я в Бутырской тюрьме ни с Эрмандом, ни с Хархардиным не сидел. — Товарищи по группе вовсе не имели при этом целью „защитить меня“: они просто *знали, как факт*, что обвинение Худолея по отношению ко мне неверно, и ответили на него. — Ответ этот (пусть интересующиеся прочтут его дословно в „Протесте-опровержении“ в № 7 „Ап. В.“) как-раз *вовсе опровергает* обвинение Худолея. — Но Роберт Эрманд нашел „зацепку“ и, оставая совершенно в стороне существо спора, ухватился за нее; я, — напоминает он, — встретился с ним и Хархардиным на вечере памяти Кропоткина в Бутырской тюрьме, когда их привезли туда из Орловской тюрьмы. — Очень возможно, что Эрманд в этом пункте прав. Но разве это *хоть на миг меняет существо дела?* — Во-первых, в опровержении группы упоминается с моих слов о том, что я встретил Эрманда в России один раз, мельком. Я, при этом, говорил товарищам, что, насколько мне помнится, встреча эта имела место где-то при переходе из одной тюрьмы в другую, но что я *никогда*

нигде с Эрмандом (и Хархардиным) не сидел и совершенно ничего не знаю о их жизни и деятельности. Я должен и теперь спросить Эрманда: сколько же времени он и Хархардин провели *тогда* в Бутырской тюрьме? В. Худолей пишет — „несколько месяцев“ (вместе со мной). Я сам просидел там *только* 3½ месяца. Все тогдашние мои товарищи по заключению (по анархич. коллективу, по тюремному университету и пр.) могут подтвердить, что ни Эрманда, ни Хархардина там в то время не было. Если я и встретился там с тем или другим, то это могло быть, действительно, лишь в день памяти Кропоткина, в момент их прибытия из Орловской тюрьмы. Вероятно, они оба были в тот же (или на другой) день увезены, или освобождены. В таком случае, наша встреча очевидно не могла иметь, по существу поднятого Худолеем вопроса, никакого значения. — Во-вторых, в опровержении группы сказано: „Наконец, если бы даже он (Волин) сидел одновременно с Эрмандом и Хархардином, то это еще ровно ничего не доказывало бы“. То-есть: если бы даже я оказался сидевшим где-нибудь одновременно с Эрмандом и Хархардиным, то это *нисколько* не меняло бы *существо дела*: того факта, что я их не знал и не мог дать о них никаких сведений для печати. *А в этом факте вся суть.* — Я могу лишь еще раз повторить: Эрманда я знаю очень мельком; Хархардина я совсем не знаю, даже в лицо. (Если он и был на вечере Кропоткина в Бутырской тюрьме, то я или не знал, что это — Хархардин, или не обратил на него особого внимания). Следовательно, *обвинение Худолея отпадает, и опровержение группы вполне действительное.*

Худолей не знает меня. Худолей мог не *знать*, что я не имею никаких биографических сведений об Эрманде и Хархардине, и сделать свое нехорошее предположение. Но Эрманд-то прекрасно знает, что по существу опровержение группы правильно. Он просто обрадовался случаю „поддеть“ меня (увы, очень неудачно) и этим маневром лягнуть группу, которая-де, защищая меня, „ничего не опровергает“. — Спросим же и мы Эрманда, „подобает“ ли такие вещи „взрослому человеку (а тем более анархисту)“?

В № 140 „Америк. Изв.“ имеется „Письмо о помощи политическим“, подписанное Секретарем Всероссийского Черного Креста — *Анной Солонович* и исполненное резких нападок на Берлинский Комитет Помощи, на А. Беркмана и на „Волнцев“ (пошловатое и неверное обозначение „Группы русских анархистов в Германии“). — Я считаю, что по существу „Письма“ объяснения должны быть даны членом Комитета А. Беркманом и секретарем его М. Мрачным. Лично я членом Комитета давно уже не состою, будучи отозван из него Группой, по некоторым принципиальным мотивам, еще весной текущего года (см. об этом заявление „Группы Русских Анархистов в Германии“ в № 7, май 1924 г. „Ап. Вестн.“). Но я обязан дать пояснения к двум пунктам „Письма“, мне хорошо известным, так-как оба факта имели место еще в бытность мою членом Комитета. — Пункт 1: 50 долларов анархисту М. Ч., которым „Письмо“ уделяет много внимания. — Тов. М. Ч., бежавший из России и хорошо всем нам известный, оказался в Польше в крайне трудном положении — без до-

кументов и без работы. Тогда ему были высланы (не из сумм Комитета) 50 долларов — сумма, которая едва-едва давала ему возможность достать документы и избежать ареста. Но товарищ, везший ему эти 50 долларов, был в Польше арестован. Деньги пропали, и т. М. Ч. попал в безвыходное положение. Единственная для него возможность избежать тяжелого по последствиям ареста была — немедленное возмещение пропавших 50 дол. Вопрос этот, по получении отчаянного письма от М. Ч., тщательно и горячо обсуждался в Комитете, и так-как никакого другого выхода для спасения товарища из непосредственной беды не было, то решили, в конце концов, выслать ему эту сумму из средств Комитета, — с тем, чтобы при первой возможности возместить ее из другого фонда. Думаю, что ни у кого из товарищей не вырвется по этому поводу слово осуждения Комитету. — *Пункт 2:* „Недавно были присланы для передачи заключенным анархистам в Соловки из Берлина 80 долларов товарищам близко стоящим к Московскому издательству „Голос Труда“. Деньги эти им были присланы не Берлинским Комитетом Помощи, а какой-то другой берлинской группой анархистов, как видно, не захотевшей, по каким-то мотивам, передать эти деньги в распоряжение Берлинского Комитета Помощи.“ — Так повествует Агния Солонович. — На самом деле (как это должно быть хорошо известно Агнии Солонович) эти 80 долларов были высланы (с оказией) не „какой-то берлинской группой анархистов“, а единственной в Берлине „Группой Русских Анархистов в Германии“ (т. е. теми же „Волядцами“, о малой „щедрости“ которых „относительно анархистов“ немало говорится в „Письме“). Деньги эти были посланы не через Комитет Помощи — во-первых потому, что они поступили именно и прямо в Группу для непосредственной пересылки анархистам в Россию, а во-вторых потому, что как-раз подвернулась удобная оказия их отправить. Таким образом, гадания и намеки Агнии Солонович по поводу этой суммы лишены оснований. — Добавлю, что если бы в „Письме“ было указано получение 80-ти долларов *от группы „Волядцев“*, то, конечно, дальнейшие фразы о малой „щедрости“ этих последних, о том, что „берлинцы не знают, куда им тратить собранные суммы“ и т. п., потеряли бы весь свой эффект.

Два слова относительно упрека нас, „берлинцев“, в недостаточной осведомленности относительно России, — в том, что наши сведения „малы, неполны и устарели“. Это — пожалуй, самый гадкий из брошенных в нас камней. — Во-первых: естественно и неоспоримо, что мы не можем обладать той своевременностью и полнотой сведений, какими обладают наши товарищи в России. Но годится ли ставить нам это в вину? — Своевременное и полное осведомление нас лежит, прежде всего на обязанности *самих русских товарищей*, и недостаточность сведений мы могли бы, в первую очередь, винить в вину им самим. — Затем, многие из нас находятся в непосредственной связи с товарищами в России, — как заключенными, так и находящимися на воле, — и получают сведения из первоисточников, о чем могут свидетельствовать выпускаемые за-границей бюллетени. Но, разумеется, сведения эти доходят до нас медленно; и в этом — не наша вина. Мы могли бы, пожалуй, иметь и лучшие — более скорые и более полные — связи. При-

дет время, и история нашего движения выяснит, на ком лежит ответственность и вина за то, что мы этих связей не имеем. — Во-вторых: Агния Солонович прочла наши сведения, напечатанные в *аргентинском „Голосе Труда“*. Она забыла, что до нее эти сведения дошли уже через 2-3 месяца после их получения нами.

**

В № 56 „Волны“ появилась статья А. А. Солонович — „Об анархизме и анархистах в русской революции“. Я оставляю в стороне первую часть статьи — очерк русской революции. Всякий волен понимать русскую революцию по-своему. Меня интересует сейчас вторая часть статьи (об анархизме и анархистах в русской революции), являющаяся, на мой взгляд, ничинчно-неузуской попыткой забросать камнями и грязью всех, вся и все, что не имело отношения к „Всероссийской Федерации Анархистов-Коммунистов“, созданной А. Карелиным и его соратниками. Чтобы не затягивать моей статьи, остановлюсь только на некоторых кричащих пунктах: 1) На стр. 38 смеялись самым бесцеремонным образом в одну кучу и „анархо-синдикалисты“, и „набатовское“ движение на Украине, и „стремление к власти“, и „высоко-квалификационные рабочие“, и „крестьянские отряды совершенно пререгулярных войск Махно“, и „принудительный набор“, и еще многое другое. Постепенное опубликование материалов по истории анархического движения в русской революции и показания товарищей со временем обнаружат, какую дикую и *клеветническую* смесь устроил Солонович из ряда разнородных явлений, сыгравших, каждое, свою роль в революции. Но уже и теперь следует обратить внимание товарищей на замечательное построение Солоновича: Только „Всеросс. Федерация“ (Карелин, Солонович, Эрманд и... 5.000 товарищей!) сделала в революции великое, честное и полезное дело; все же остальные течения и движения — один общий хлам, не анархизм, „самое обыкновенное стремление к власти“ и т. п. Уже и теперь всякий вдумчивый читатель должен усомниться в правильности такого заявления. — 2) Там же говорится о том, что „бывшие набатовцы“ на Украине „наполнили тамошние чека в качестве агентов“ и т. п. Это — опять клевета. Большинство бывших работников „Набата“ погибли (Я. Суховольский-Алый, Иосиф Готман-Эмигрант, Сафьян, множество молодежи), сидят по тюрьмам и ссылкам (Лия Готман, И. Чарня, А. Барон и др.) и выброшены из России. Мы требуем от А. Солоновича *указания имен* чекистов, бывших работниками „Набата“. Мы требуем также назвать хотя бы десяток имен „раскаившихся „набатовцев“, именами которых „цестрят газету коммунистической партии“. — 3) На стр. 36 приводится цитата из моей статьи (от 1 дек. 1917 г.). Когда, в качестве исторического материала о позиции анархистов в русской революции, выйдет, между прочим, из печати и сборник моих газетных статей 1917-1918 гг. (юж.-ам. раб. изд. гр. давно хотела переиздать этот сборник, изданный Конфедерацией „Набат“ в 1919 г., но я не имел времени подготовить его к печати), — интересующиеся поймут, что немало надо было Солоновичу копаться в этом материале, чтобы отыскать у меня хоть одно место, которое можно было бы истолковать в благоприятном для большевиков смысле. Но и в данном случае, толкование Солоновича — лишь неузуский прием.

Цитированное им место может быть правильно понято только в связи со всем контекстом моей статьи. Солонович же совершенно искажал его смысл. Такой прием прекрасно известен, как недобросовестный литературный прием. Но что до этого Солоновичу? Он хорошо знает, конечно, что от клеветы всегда что-нибудь да остается. А ему, повидимому, только этого и надо.

В том же номере „Волны“ имеется ответ мне Дельты („Несколько слов“). Должен отметить, что мне теперь известно, кому принадлежит псевдоним „Дельта“, и что меня поэтому несколько не удивляет больше изрядная безграмотность и гимназическое (местами) невежество его первой статьи („Анархизм и скептицизм“, „Волна“ № 52), при всей его наглой деланой „учености“, ни его „искренности“, ни совершенно уже детский лепет его ответа. Лепет этот тем более беспомощен, что, по иронии судьбы, в № 55-й „Волны“ попала статья того же Дельты („Смертная казнь“), прямо устанавливающая его связь с Карелиным и, таким образом, подтверждающая мое об этом предположение.

Кстати, две фактических поправки к примечанию Ред. Коллегии („Волна“ № 55, стр. 38): 1) Я считал подписью „Дельта“ псевдонимом не самого „известного словослова Ленина“ — Карелина, а одного из его соратников; 2) Я не говорил, что статья написана не на Английских островах, а говорил, что, при всей своей отдаленности, Английские острова находятся в данном случае в непосредственной связи с Москвой. — Оба эти предположения мне теперь точно подтверждены, заодно с раскрытием псевдонима — Дельты. Таким образом, упреки Ред. Коллегии в том, что я ее „мистифицирую“ и веду „недопустимые в наших рядах интриги“, не имеют под собой никакого основания. — Напомню также Ред. Коллегию, что первые камни, — в притом, что бы ни говорила Ред. Коллегия, камни резко личные, — бросил Дельта в меня, а не наоборот.

По прочтении всего вышеизложенного, — да и просто по прочтении статей Эрманда, Дельты, Солоновича, — многие, несомненно, обратят внимание на то, что все эти люди вовсе не ведут идейной, принципиальной спора по существу против *нас* (или нашей) позиции (что было бы естественно и нормально), а просто систематически нападают на нас в личном смысле, грубо бранясь, черня, клеветая и злослова. Многие товарищи должны будут, наконец, задать себе естественный вопрос: почему эти люди исполнены по отношению к нам такой ненависти и злобы? Почему они травят нас? — Скрещивали ли мы с ними наше идейное оружие в России? Мешали ли мы им в работе? Являлись ли мы в русской революции непримиримыми противниками? И не являются ли наши нынешние отношения, — как это может казаться неосведомленным, — плодом резкой идейной борьбы?

На этот основной вопрос интересующиеся получают исчерпывающий ответ впоследствии. Теперь же я хочу дать лишь краткую фактическую справку об этих наших „внутренних“ делах. (Как я уже упоминал вначале моего ответа — я решительно не стал бы тратить сам и отнимать у других время на мелочную и бесценную перебранку, если бы ведущаяся против нас ожесточенная кампания

не выдвигала с настоятельностью именно этот, далеко не бесценный вопрос: об истинных причинах и о результатах этой кампании). —

Ни я, ни мои товарищи никогда не соприкасались ни в какой степени с „Всероссийской Федерацией“, с ее членами или с ее деятельностью. Когда, с лета 1917 г. по март 1918 г., я и другие товарищи работали в „Петроградском Союзе анархо-синдикалистической пропаганды Голос Труда“, — Всероссийской Федерацией еще не существовало. С марта 1918 г. я работал на юге и на Украине. В России всякое живое анархическое движение было с конца 1918 г. убито, и тут-то вскоре расцвела в Москве „Всероссийская Федерация“, вознившая уже в этот упадочный период. (Пусть, кстати, читатель сопоставит с этими фактами повествование А. А. Солоновича в № 55 „Волны“). Во всей украинской работе 1918-1921 гг., во всей деятельности „Набата“, в махновском движении — ни мне, ни товарищам не приходилось вовсе, ни близко, ни отдаленно, сталкиваться с „Федерацией“. В печати нашей нам тоже никогда не приходилось с ней спорить, ее касаться.

Таким образом, дело тут не в идейных столкновениях, не в борьбе за идейное влияние, не в следах принципиальной борьбы.

Так в чем же?

Отвечать здесь подробно на этот вопрос было бы слишком долго, и я, если понадобится, дам этот ответ в свое время и в своем месте. Отмечу лишь, что, как всегда, немалую роль в этой вражде играют мотивы личные; затем — элемент узкого сектантства и нетерпимости (читатель видел в статье Солоновича, что только „Всероссийская Федерация“ была подлинной анархической организацией в России!) и т. п. Главную же роль сыграю, несомненно, то обстоятельство, что мы в заграничной прессе вынуждены были отметить факт более чем дозволительного отношения секретариата Федерации к советской власти и отнестись недостойно роль, играемую этой организацией в анархическом движении России. (См. „Ам. Изв.“ № 40 и „Поневия на анархизм в сов. России“ стр. 20). Опровергнуть этот факт члены секретариата (Худолей, Хархардин, Солонович, Эрманд, Карелин и др.) не могли (наоборот, своими дальнейшими, логически неизбежными поступками они его все больше подтверждают). Но с этого времени началась их ожесточенная и мстительная кампания против нас. — Главным, хотя и закулисным, вдохновителем этой кампании является А. Карелин. Пусть товарищи не принимают за противоречие моим утверждениям хвалебный гимн Карелину, переведенный со шведского и помещенный (как это видно из примечания редакции, с разрешения самого Карелина!) в № 145 „Ам. Изв.“. Необходимо и здесь сказать правду. — Во-первых, статья эта написана редактором шведской газеты „Brand“ товарищем Бьерклюдом несколько лет тому назад, при поездке его в Россию, когда он не знал еще почти ничего достоверного о русской революции и о подлинной роли в ней анархистов, когда он говорил с Карелиным и его друзьями, доверяясь им во всем. Сомнительно, чтобы теперь т. Бьерклюд написал о Карелине то же самое. — Во-вторых, уже одно то обстоятельство, что Карелин сам проверяет и дает для напечатания хвалебный гимн самому себе (то-есть, почти сам пишет его! Он, ко-

мечно, никак не ожидал, что примечание редакции выдаст его с годовой), достаточно характеризует этого человека, не стесняющегося прибегать к такому пошлому и недостойному приему реабилитации себя.

Придет время, и правда — вся правда — будет неоспоримо утверждена. Товарищи не должны забывать, что, в силу ряда условий, множество работников-анархистов России, а также сознательных рабочих и крестьян, все еще лишены возможности сказать свое веское слово, и что непотчатые груды материала лежат еще под спудом. Но недалеко время, когда подлинное лицо анархического движения и анархической работы в России во время революции выявится с полной ясностью. Каревны, Солоновичи, Дельты и им подобные могут играть свою роль лишь до того времени.

Еще одно замечание, — быть-может, самое существенное. — Люди, ведущие ожесточенную борьбу против нас, выброшенных из России анархистов, прекрасно знают,

конечно, кто мы такие: знают, что мы — честные и активные работники анархического движения, в свое время отдавшие себя великому революцион и теперь пытающиеся наладить за-границей необходимую работу и прочную связь с Россией. И вот, вместо того, чтобы постараться поддержать нас в этом отношении, связаться с нами, помочь нам в достижении нашей цели, эти товарищи, с энергией, достойной лучшего применения, систематически травят и поносят нас, содействуя тому, чтобы задуть наши начинания. Почему это? Неужели, действительно, лишь потому, что они считают себя „крупными интеллигентами“ (!) и „авархистами“ (см. ст. Солоновича в № 55 „Волны“), призванными „царствовать“ на временных развалинах анархической работы в России?.. Пусть же, наконец, товарищи в Америке сами зададут Солоновичу, Дельте и другим этот основной вопрос.

ВОЛНА.

Октябрь 1924 г.

О жизни рабочих и крестьян в сов. России

Большевистские и про-большевистские газеты в Америке взяли себе в привычку не только безоговорочно восхвалять жизнь рабочих и крестьян в сов. России, но даже идеализировать ее, что очень противостоят истине. Как видно эти газеты поставили своей целью скрывать от широких масс российских выходцев и выходцев других национальностей, а также и от американцев то, что подавляющее большинство рабочих и крестьян в сов. России бесправны и до боли угнетены. Эти газеты также умалчивают о самовольных и в то же время очень вредных для общества поступках комиссаров и так называемых спеццов. А если им уж никак нельзя скрыть крупных мошенников, так они непременно взваливают вину на провинившуюся личность и всячески стараются оправдать систему, которая порождает их и предоставляет им широкое поле деятельности.

Само правительство в сов. России и все его учреждения, если и заинтересованы, так очень мало, в благосостоянии рабочих и крестьянских масс. Такие органы как Профессиональные союзы России, скорее выполняют роль пособников эксплуатации рабочих, нежели занимаются организационной и просветительной работой. А коммунистические ячейки в производстве имеют одну функцию: донос по начальству на «опасных». Быть может это на большевистском языке и называется «строительством коммунизма».

Но правды нельзя утаить. Она рано или поздно выявляется. В отношении к большевистскому правительству и к положе-

нию под этим правительством рабочих и крестьян правда все больше и больше становится известной и все шире распространяется. В самой России, на местах производства, в городе и деревне, создалось такое положение дел, которого даже московские официозы не могут игнорировать и вынуждены, хотя в сжатой форме, давать оглашению. Но более ценные сведения о жизни рабочих и крестьян в сов. России приходят за-границу прямо от тех, кто переносит на своих плечах всю тяжесть диктатуры РКП — от угнетенных рабочих и крестьян.

Нижеследующие отрывки из «Соц. Вестника» и из самой московской «Правды» ясно указывают на положение некоторых рабочих и крестьян в сов. России.

НА ЗАВОДЕ.

Год назад и теперь. — Рабочие и профсоюз. — Экономическое положение рабочих. — Настроения рабочих. — „Ленинцы“ и комсомол.

Нам пишут из одного рабочего центра:

Если окинуть взором приблизительно годовой период, то можно сказать, что за это время еще больше выросла пассивность, подавленность и дезорганизованность в рабочей среде, и те небольшие струйки некоторой энергии в экономической борьбе, которые еще билась в прошлом году, теперь почти совсем иссякли и заглохли. В прошлом году имели место стачки; в иные моменты масса еще выступала крепкой стеной до последнего человека и побеждала в борьбе с единым фронтом администрации, профсоюза и партийной клики; в иные моменты завод бурил, чуть что — сейчас на „средину“, и завкомщики не знают, что делать. И говорить подчас (ко-

да уж очень не в терпех становилось) не боялись, а требования имели возможность все же обсуждать предвительно... Теперь картина явно изменилась к худшему. Не знаю, как в других местах, а у нас настроение пошло к низу, и так рабочих придавили, да распылили за это время, что прямо некуда поддаться.

За этот год сокращения шли за сокращениями. Списки составили ячейка. Пользовалась случаем выкинуть мало мальски независимого рабочего. Не считались ни с квалификацией, ни с необходимостью данного рабочего цеха. Иногда администрация наставляла из хозяйственных соображений, чтобы такого то оставили, а завком по указу ячейки требует, чтобы сократили. Угроза этого сокращения после ряда истребительных операций так нависла над рабочими, что не могло не упасть настроение. Вдобавок нет-нет да арестами пощипывают. Ленинский набор сделал свое дело. Пошел в РКП отсталый и шкурнический элемент. От этих „ленинцев“ теперь в цехах такой шпионаж, что двинуться нельзя. Поэтому, когда нужно, то и потолковать, собраться нельзя. От этого такая распыленность у рабочих, какой никогда не было. У рабочего прямо нет лазейки, через которую он бы протянул руку своему товарищу. Массу не только придавили, но и раздробили на кусочки.

Большинский режим не только выбыл из сознания рабочих все понятия политической жизни, но довел массу до полной заботности и в экономической борьбе. Нечего говорить о том, что ведь никакого органа экономической борьбы нет. У нас все время Союз вместе с администрацией и ГПУ выступает. И нет ни одного рабочего, который иначе расценивал бы профсоюз, как пособника эксплуатации рабочих. За этот год Союз и завком генеральной „чистку“ дали заводу, перебрали по косточкам всех рабочих и выкинули всех, кто оказался „опасным“. И в результате: „моя хата с краю“ — вот психология рабочего, созданная нынешним режимом.

Экономический нажим становится все сильнее. Средняя плата не выше 35—40 рублей. К тому же потогонная система крепнет и крепнет. За два года не менее 4 раз менялись нормы выработки. Еще в апреле этого года расценки были опять снижены — фактически на 20%. Свою жалкую плату рабочий вырабатывает со все большим напряжением. Да и эту плату задерживают, как никогда. Сейчас (начало сентября) еще не выплатили всего за июль. Живет рабочий заборной книжкой. Знай только, записывает в кредит. А приходит подучка — получает гроши — 3-4 рубля. Характерно, что нажим на „производительность“ труда проводится партийными органами. Секретарь ком'ячейки делается „догонялой“: именно он рассказывает по цеху и наблюдает, чтобы работали, как следует. Чуть что — донос, замечание. Общественной жизни на заводе нет. Общих собраний давно уже не устраивали... Культурная жизнь тоже еле дышит. На коммунистические лекции мало кто ходит. Настроению невыносима вся обстановка, что рабочий рад радешенек, когда вырвется с завода домой. Нужно отметить, что усилились темные реакционные настроения. Характерно, что за эти два года усиленно начала посещаться церковь, при чем не только женщинами, но и большой массой рабочих мужчин.

Коммунисты, как и раньше, сами по себе, масса — сама по себе. „Ленинский набор“, конечно, ничего хо-

рошего РКП не дал. В довольно широких размерах началось обратное движение „ленинцев“ из РКП...

Комсомолю обидно. Не будучи комсомольцем, не оставшись на заводе и вообще ходу не будет. Идейных ребят там совсем немного. Верхушка стала „портфельщиками“... А в самом комсомоле — низкий уровень духовной жизни, танцульки в клубе — и неимоверный разврат; именно теперь это моральное падение комсомольской среды, ее охуливание, становится все сильнее и ярче, вместе с ростом безидеальности молодежи. Так как комсомолом естественно захвачена довольно широкая масса молодежи в нашем районе, то эти настроения являются прямо губительными для будущего рабочего движения.

Конечно, и пионеры у нас заведись. Все идет на милитаристский лад. Повторение „детских“. Детям показная сторона, барабан, знамена, веселая жизнь вместе нравятся, они идут. Многих привлекает бесплатная выдача форменных костюмов. Так что „красные горлышки“, как зовут их рабочие, маршируют и у нас...

Рабочие чувствуют себя в тупике каком то. Что впереди, никто не скажет. Одного хотят: перемены. При самой глубокой апатии — в массе примиренности с настоящим нет. И это, может быть, единственное активное в настроениях: неумеренное сознание необходимости перемены...

(„Соц. Вестник“, № 22-23 1924 г.)

СПЕЦЫ РЕЗИНОВЫЕ.

(Завод имени Баскакова, Москва).

На предпоследнем производственном совещании рабочих госзавода им. Баскакова (Рогожско-Симоновский район, Москва) заявили, что мастера халатно относятся к своим обязанностям и, в подтверждение этого, указали на случаи забраковки 20.000 метров резины. Техперсонал ответил, что это было давно, еще в феврале, и что не ошибается только тот, кто ничего не делает.

Но эта „ошибка“ оказалась не ошибкой, а постоянной порчей товара. Заказчики начали жаловаться на недоброкачество товара все чаще. Эти жалобы заставили, наконец, заводоуправление назначить технический контроль, который забраковал еще несколько тысяч метров готового шнурка, тоже из-за порчи резины. В день шнурка подают тысяч 6—7 и из каждой партии обязательно отбраковывается 1.500—700 метров, что составило к этому времени 15.000 метров. Решили посмотреть полуфабрикат, приготовленный под оплеку, и забраковали его такое количество, что страшно выговорить, во всяком случае стоимость его определяется в несколько десятков тысяч рублей. Спецы, вместо того, чтобы постараться устранить беду, занимаются отсыканием оправдательных документов на брак и прячут товар, назначенный на просмотр, чтобы не собралось его много и контроль не просмотрел. Тем временем они стараются сконструировать новое, удобное для них контрольное бюро...

(Московская „Правда“, № 2. 1925 г.)

ИСТОРИЯ С ЗАЯВЛЕНИЕМ.

(Керамич. зав. Донугля констан. группы).

На керамическом заводе Донугля константиновской

группы зарплату стали плохо выплачивать с 1 августа. В настоящее время она не выплачена еще за ноябрь. Выдавали пока что только бонны в кооператив. Наиболее нуждающиеся рабочие стали подавать управгруппы заявления о разрешении кредита в кооперативе в рассрочку на три месяца — считая с 1 августа. Управгруппы отказывали, но „некоторым“ рабочим выдавали лично, что вызвало недовольство рабочих.

Рабочие — к профуполномоченному: „Написи коллективное заявление о выдаче долгосрочного кредита“. Заявление написали, подписалось человек 50 (из 78 рабочих) и уполномоченный отправился с заявлением к управгруппы. Там заявили, что нет кредитования, нет векселей и кооператив отказал.

Спустя некоторое время на завод летит управгруппы.

Сунулся в конторку, к табельщику, который составлял заявление и, не найдя его, обрушился на счетовода, все участие которого в деле ограничивалось одной только подписью. И досталось ему за подпись и в „матушку“ и в „батьку“.

В заключение он крикнул:

— Если будет еще раз такое заявление, то не будет в заводе ни вас, ни заведывающего заводом. Никаких и никому заявлений. Последний раз...

— На другой день появилось на заводе объявление о том, что „заявления какого бы то ни было рода давать заведывающему заводом для наложения визы“.

Тем наше дело с заявлением и кончилось. А все оттого, что указали, что никакие разграничения между рабочими со стороны администрации недопустимы.

Январской,

(Московская „Правда“. № 2. 1925 г.)

«НЕ ПО-ГРАЖДАНСКИ».

(Артемовск. вол., Ржевск. у., Тверск. г.).

Плохо работает председатель вол'ячейки. Не соблюдает интересов крестьянства. К примеру взять распределение покосов. Тов. Стогов — предвол'ячейки, ведающий этим делом, действует на руку зажиточных крестьян. У нашей деревни Афанасово он отрезал 5 десятин покосу и „подарил“ их кулаку Брюсову из деревни Естратово. У Брюсова теперь от сена сарай трещит, а граждане афанасовские не при чем остались.

Мужики и говорят — у нас в волости кулаку — раздолье, а бедняку — туго приходится.

Пробовали жаловаться председателю совета Комарову, но без последствий, потому что Комаров всяком Стогову приходится.

Плохой у нас порядок в лесу. За взятку сторож Кутузов разрешает большую порубку, а если застанет неимущего мужика, собирающего хворост, — налетит с кулаками, с наганом, — избьет... Жаловались в лесничество, да тоже никаких последствий.

Не по-граждански так обращаться с крестьянами.

Партийные к нам в деревню приезжают из волости только за сбором налога.

Избы читальни нет.

Из соседних деревень к нам приходят комсомольцы, только дела они не делают, а крестьян тревожат: на рождество стрельбу подняли под самогонную руку.

Не гражданское это обхождение...

Беспартийные крестьяне

А. Жуков, А. Петров.

(Московская „Правда“. № 3. 1925 г.)

* * *

Неоспоримо то, что при системе наемного труда, которая в сов. России все больше принимает «цивилизованную» форму, рабочие заинтересованы в своевременном получении заработной платы. От этого зависит их существование. И если в самом деле большевистское начальство заботится об интересах рабочих, то оно должно было бы следить за этим. Но как видно из вышеприведенных замечаний, плату рабочим систематически задерживают на несколько месяцев. А с крестьянами в деревне, как об этом свидетельствуют крестьяне А. Жуков и А. Петров, обращаются совсем уж «не-пограждански».

Как задержка заработной платы рабочим, так и «не-гражданское» обращение с крестьянами делаются начальством, теми, кто имеет на это право при «диктатуре пролетариата».

Неужели рабочие и крестьяне в сов. России сами себе добра не желают, что установили над собою такую диктатуру, которая не дает им вздохнуть свободно?

Но пусть читатели сами сделают вывод о том, какая диктатура в СССР существует — пролетарская и крестьянская, или же над пролетариатом и крестьянством.

Д. Молот.

О европейской политике

РАМЗИ МАКДОНАЛЬД.

В газете «Сан Франциско Кол-Пост» печатался аналитический взгляд профессора Бертрана Росселя на английское рабочее правительство, недавно потерпевшее поражение на выборах.

В своей статье профессор излагает причины, почему рабочее правительство потерпело поражение и уже не стоит у власти.

Нижеследующее является выдержкой из статьи «Сан Франциско Кол-Пост» по этому вопросу.

**

То, что случилось с правительством Макдональда, случилось с немцами в 1914 году и с английской армией весной 1918 года в окрестностях города Камбрэ. Немцы вторглись во Францию слишком неожиданно. Кавалерия и пехота слишком опередили артиллерию и далеко ушли от своих баз. Они не могли закрепить за собою своих позиций и должны были отступить. Дивизии генерала Бинга сделали это в 1918 году; они атаковали, были вынуждены отступить и сражение закончилось тем, что дивизии были чуть-чуть не загнаны в море.

Тоже самое произошло и с Макдональдом, который теперь является простым членом парламента и уже не занимает поста премьер-министра Англии.

Берtrand Россел заявляет, что «характерным недостатком англичан является не двуличие, как это общепринято думать, а гордость».

В рабочих кругах Англии эта черта выливается в форму желания стать «господином».

Макдональд не был исключением и позволил себя запутать своей собственной паутиной.

Так например, министерство иностранных дел в Англии — место, где заседают люди, имеющие очень высокое мнение о себе. Чтобы быть членом этого министерства, человек должен быть рожден в высших кругах. Рэмзи Макдональд рожден в высшем обществе не был и все-же стал во главе этого министерства. Поэтому нельзя себе представить того, что думали «господа», сидящие в этом министерстве о рабочих министрах.

Рэмзи Макдональд доверился аристократам. Они же, наоборот, ни на момент не забывали, что он не «господин», а поэтому при первом же удобном случае подставили ему ногу. Но они имели хорошие манеры, очень усердно работали и Макдональд доверился им. Он зашел слишком

далеко от своей артиллерии, которой в данном случае являлись рабочие.

Макдональд должен был уйти. Он не имел силы воли для того, чтобы не подпасть под влияние лести и не упиться своим высоким положением. Он обедал с королем, он встречался с богатыми людьми, он потерял контроль над собою.

Это доказывает, что ни одно дело не может пойти хорошо, если служащие не имеют доверия к своему хозяину. Учитель не может преподавать, если он не пользуется доверием своих учеников. Контрактор не может возвести здания, если он не поведет под него хорошего фундамента.

Даже деспот может править только тогда, когда народ думает, что он имеет право править деспотически.

Люди, рожденные в высшем обществе, правят в Англии, потому что английский народ до сих пор преклоняется перед благородством. В Америке правят богатые люди, так как большинство американского народа преклоняется перед богатствами. Это может и не продолжаться вечно, но в настоящее время это так.

И чем ближе мы подходим к деньгам, тем дальше мы отходим от базы снабжений — от человечества.

**

Всекие правительства и во все времена, — будь они аристократические, буржуазные или рабочие, если вообще может быть такая диковина как рабочее правительство, — не могут действовать на пользу общества. Их назначение — править теми, кто доверяется им, а продолжительность их существования зависит от их умения и ловкости дурачить народ. Это доказано самой историей. Отсюда и следует логический вывод, что всем тем, кем правят, на чьей спине так любят прокатываться правители, нужно избавиться от всяких правительств, и чем скорее — тем лучше.

ОТСТУПЛЕНИЕ МУССОЛИНИ.

По сведениям агентства «Консолидэйтед Пресс» Бенито Муссолини, итальянский премьер и человек всякого рода неожиданных выступлений, вновь поразил мир своим поведением. Сидя на скамье фактической диктатуры, объявленной в результате революции, он неожиданно поднялся с места в итальянском парламенте, в Палате Представителей и предложил изменить избирательные законы и искать народного одобрения при посредстве избирательной

урны на основании старых законов нации, существовавших до диктатуры. Выступая таким образом, как думают многие американские редактора, он разоружил свою оппозицию и выхватил из ее рук самый сильный козырь, которым она пользовалась против диктатора. Буржуазная пресса Америки как будто не знает, какими мотивами руководится диктатор и какие последствия это все повлечет за собой.

«Уже прошло более двух лет с тех пор, как фашисты захватили контроль над правительством в Италии, заявляет газета «Балтимор Сон», и в течение этого периода никак нельзя установить, что думает сам итальянский народ относительно уничтожения конституционного правительства». Выборы, состоявшиеся в мае месяце, утверждает газета, не могут служить показателем настроения населения, так как Муссолини манипулировал выборными законами при посредстве им же назначенных делегатов. «Со времени последних выборов, произошло убийство социалистического депутата Маттеоти, высылка бывшего премьера Нитти и несколько других эпизодов, которые указывают на возрастающее все время недовольство населения. Недовольство это в конце концов стало настолько сильным, что Муссолини, как говорят, не осмеливается пользоваться своей неограниченной цензурой, опасаясь, что это вызовет организованный, открытый бунт. Эта свобода оппозиции высказать свои взгляды вместе с тем фактом, что при выборах, назначенных на март месяц, каждый выборный пункт пошлет в парламент кандидата, получившего большинство голосов, указывает, что приближается время, когда можно будет узнать, пользуется ли фашизм доверием избирателей в Италии или нет».

«Бойкот парламента оппозиционными партиями подорвал его представительный авторитет», пишет газета «Нью-Йорк Геральд-Трибюн»; «отчаянные атаки оппозиционной прессы повидимому пошатнули положение премьера и то, что он сам называл «глупым, идиотским насилием» его собственных сторонников, несомненно заводило его в безвыходное положение. Переход от диктатуры уничтожается для всех очевидной политической цели. Муссолини, по всей видимости, решил опередить своих врагов и забегал вперед». Газета же «Провиденс Трибюн» заявляет, что Мус-

солини решил пойти на большой риск и что он или докажет, что даже и на основе демократических принципов, которые он ненавидит, он пользуется доверием итальянского народа, или же фашизм прекратит свое существование как могучая политическая сила».

По сведениям газеты «Кливлэнд Плейн Дилер» «план фашистов предусматривал обеспечение за ними постоянного большинства в парламенте, но Муссолини находит, что постоянное большинство является до некоторой степени неработоспособным... Он надеется восстановлением старых конституционных методов голосования побудить партии меньшинства к сотрудничеству».

«Очевидная цель Муссолини, — как полагает газета «Мускегон Кроникл», — это — постепенно восстановить то, что он должен был разрушить, когда захватывал власть».

«Было только естественно, — заявляет газета «Вотерлу Трибюн», — что правители, фактические диктаторы, должны были расколоться на фракции. Немилосердные в своей борьбе против радикалов, они стали немилосердными в своей борьбе с оппонентами в своих собственных рядах. Как говорят, что они убили одного своего депутата, не пожелавшего подчиниться. Сейчас уже слышны возгласы, требующие конца диктатуры... Эти требования настолько настойчивы и раскол в рядах Муссолини настолько силен, что сам диктатор высказывается за «народное правительство».

Да, Муссолини меняет тактику действий. Он хочет этим самым продлить существование своего уродливого детища — режима террора. Однако, это делу не поможет. Муссолини должен уйти со сцены вместе с установленной им диктатурой. Его ожидает судьба всех тиранов — неминуемая бесславная гибель под крики проклятий со стороны угнетенных им итальянских труженников. А то, что «король» фашизма вынужден изменить направление своей политики доказывает, как не надо лучше, что итальянский народ ненавидит слишком дорого-стоющей ему диктатуры чернорубашечников и что рано или поздно он избавится от нее.

Трон Муссолини пошатнулся — пожелаем же ему скорейшей гибели!

БЮЛЛЕТЕНЬ

Объединенного Комитета Защиты Революционеров, заключенных и сосланных в России.

№ 10.

Январь 1925 года.

Берлин.

СОЛОВЕЦКИЕ ОСТРОВА.

Двухнедельная голодовка социалистов и анархистов.

Уже в октябре 1924 г. в наш Комитет поступили сведения о начавшейся в Соловках коллетктивной голодовке политических заключенных. К сожалению до сих пор нет еще у нас подробных сведений о тихой «безкровной» трагедии, жертвами которой еще раз стали наши товарищи. Из отрывочных, но сомнению не подлежащих, сведений мы узнаем следующее:

Голодовка (вторая по счету) продолжалась с третьего по семнадцатое октября. Голодали с.-р. (правые и левые) и анархисты (меньшевики не примкнули). Поводом к этому опасному акту отчаяния и протеста послужил, как сообщают, упорный отказ администрации перевести трех заключенных, заявивших о своей принадлежности к партии лев. соц. рев., на общее положение политических заключенных.

«Соц. Вестник» сообщает по этому поводу: «...Все голодающие были переведены в отдельный корпус и совершенно изолированы от соц. дем. Чекисты заявили: «голодать, так голодать!» Положение создалось такое, что, если бы голодовка продолжалась не две недели, а три или четыре, чекисты не приняли бы никаких мер к ее прекращению: полное равнодушие к происходящему.

К концу второй недели староста с. д. категорически потребовал свидания с зам. нач. лагеря Эйхмансом после предварительного посещения голодающих. Требование было удовлетворено. Переговоры с Эйхмансом велись непрерывно в течение 14 (!) часов».

Голодовка почти 200 полит. заключенных и без того издерганных и измученных не увенчалась успехом. Начальство, само спровоцировавшее это медленное самоубийство, на уступки итти не согласилось. Все же удалось добиться того, что впредь до получения ответа из Москвы, администрация Соловков перевела заключенных, бывших на положении уголовных на политическое. Кто знает, может быть теперь, когда Соловки на долгие месяцы целиком отрезаны от материка, администрация, безконтрольная и безнаказанная пуще прежнего прижмет «политиков», снова будет

применяться жестокая и нечеловеческая система насилия и издевательства над пленными социалистами и анархистами.

Добиваясь амнистии для жертв буржуазного террора в своей стране, каждый честный революционер должен вместе с нами бороться за уничтожение режима террора над социалистами и анархистами в России, и в первую голову — за ликвидацию Соловков!

ОТВЕТ МОПР'у.

В № 9 своего Бюллетеня наш Объединенный Комитет дал достаточную отповедь Мопр'у за его лицемерный и лживый «Манифест», опубликованный в «Правде» от 24-IX-24. Между прочим мы указали, что в высшей степени отвратительным является факт выступления Общества, якобы помогающего революционерам, в защиту мучительных преследований и истязаний (голодовки, самоубийства, Соловецкий расстрел, пытки), которым непрерывно в течение шести лет подвергаются революционеры России, что этим Манифестом М. О. П. Р. тем самым окончательно стало исполнительным органом московского правительства диктатуры и его чеки!

Выполняя точно волю и распоряжения своего начальника Ц.К.Р.К.П. МОПР выступил вскоре еще с одним «литературным» произведением, обращенным на этот раз уже не к анархистам и к революционным синдикалистам Франции, а ко 2-му Соц. Интернационалу.

Мы приводим ниже ответ на, характерное по своему цинизму, «предложение» МОПР'а.

К РАБОЧИМ ВСЕГО МИРА!

Международное Общество помощи революционерам (МОПР), организация, имеющая целью помощь заключенным в Европе коммунистам, обратилась путем печати к Р. С. И-лу с предложением организовать обмен арестованных в Европе коммунистов на социалистов и анархистов, заключенных в российских тюрьмах. По поводу этого предложения мы, граничные представители российских революционных организаций, считаем нужным сделать следующее заявление.

Предложение МОПР'а, являющегося одной из многочисленных агентур большевистского правительства, мы рассматрива-

онных переворотов». Но коммунисты знают также хорошо, как и мы, что в России в тюрьмах и ссылках находятся не горсточка, а тысячи, временами десятки тысяч революционных рабочих, крестьян и интеллигентов, ни к каким насильственным переворотам не имеющих отношения. Они подвергаются жестокому гонениям в условиях, толкающих их на самоубийства, самоожжения и почти непрерывные голодовки, единственно за высказывание своих социалистических или демократических убеждений, за пропаганду своих взглядов в профессиональных союзах или советских выборах, за критику действий или взглядов правительства, за забастовки, за разоблачение произвола продажной администрации, а зачастую просто за **пассивные симпатии** к социалистическим и анархическим организациям, или даже **родство** с активными деятелями этих организаций.

В России свобода слова, печати, собраний, союзов и стачек, право свободного участия в советских выборах, профсоюзам, кооперативам является абсолютной монополией коммунистической партии. Все остальные политические группировки, даже в среде рабочего класса, не только социалисты, но и несогласные с Р.К.П. коммунисты фактически лишены всех политических прав, объявлены «контр-революционерами», поставлены вне закона.

Во всей России нет не только ни одной легально действующей не-коммунистической партии, нет ни одного не-коммунистического политического органа печати. Существуют только нелегальные издания, которые наши товарищи вынуждены издавать в тайных типографиях, как в худшие времена царизма.

Теперь большевики, представители системы неслыханного террора, наполнив тюрьмы революционными рабочими и крестьянами, осмеливаются выступить перед мировым пролетариатом в качестве печальников «жертв гражданской войны». Уже одно это обнаруживает все лицемерие предложения об **обмене заключенных**.

Никто не может нас заподозрить в равнодушии к безмерным страданиям наших товарищей, томящихся во внутренних тюрьмах «Чека», в пробковых камерах Ленинграда, в каторжных центрах, сохранившихся от царских времен, и в новых концентрационных лагерях. Лучше, чем кому бы то ни было, нам известны условия существования пленников на Соловках, в Суздали, в сибирских ссылках, вблизи полярного круга и среди раскаленных песков Средней Азии. И тем не менее, зная все это, мы — русские социалисты и анархисты —

ем, как попытку этого правительства, обеспокоенного участвующими протестами рабочего класса Европы и Америки против террора в России, перемешать все карты, затемнить сознание трудящихся масс Запада и из положения обвиняемых перейти в роль гордых обвинителей.

Но самое большое усердие агентов русского Сов. правительства не в силах спасти столь неправо дело. Никакими ссылками на «террор против рабочего класса», царящий, по уверению МОП'а, во всех «странах капитализма», не оправдать преступлений русских большевиков.

Прежде всего, являясь решительными противниками как буржуазной, классовой юстиции, так и репрессий, направляемых капиталистическими правительствами Запада против революционных слоев рабочего класса, мы в то же время констатируем, что и в странах с рабочим правительством, как Швеция и Дания, и в Англии, Австрии, Бельгии, Голландии, Швейцарии, Норвегии, Франции, не только рабочий класс в целом, но и коммунистическая партия пользуется свободой агитации, пропаганды и организации. Даже в Германии, на которую так охотно ссылаются большевики, германская компартия, несмотря на то, что она, по своему собственному признанию, стоит на позиции вооруженного восстания, в общем и целом, хотя и с перерывами, переживая затруднения и подвергаясь временным преследованиям, существует легально и открыто, ведя массовую пропаганду и агитацию, издавая десятки легальных органов, устраивая тысячи собраний, открыто участвуя во всех выборах, имея фракции в парламентах и т. д.

В Европе и в других частях света действительно существуют страны, в которых господствует система насилия и террора против трудящихся, где царствуют шпионы и палачи, тюрьмы, кнут и ссылка. Но к ним, наряду со странами «белого террора», как Венгрия и Румыния, в первую очередь и раньше всего принадлежит Сов. Россия. В первую очередь и прежде всего!

Ибо ни одним правительством, ни в одной культурной стране в такой полной и абсолютной степени не уничтожены все без остатка гражданские и политические свободы и права всех слоев населения, как это сделано в отношении трудящихся в Сов. России правительством, именующим себя «рабоче-крестьянским», претендующим на монополию социалистических и революционных идеалов.

МОП имеет смелость утверждать, что в тюрьмах Сов. России сидят лишь «группы» социалистов и анархистов, «арестованных за участие в подготовке контр-революци-

категорически отвергаем предложенный МОП'ом «обмен».

Мы отвергаем такой обмен потому, что считаем для социалистов и анархистов морально недопустимым торговать человеческими головами и санкционировать систему заложничества, являющуюся худшим видом военного варварства. Мы отвергаем этот обмен также потому, что он предлагает высылку освобождаемых товарищей за-границу и превращение их в эмигрантов; нашей же целью является добиться для них свободы политической и экономической борьбы в самой России.

Этот план и практически совершенно невыполним. Даже если бы социалистические партии Европы считали такого рода методы принципиально приемлемыми, то общественные слои, правящие во всех этих государствах, не имеют никаких оснований для такого рода «обмена» граждан страны на иностранцев, на русских социалистов и анархистов, правящим слоям капиталистических стран еще более ненавистных и чуждых, чем их собственные.

Но если даже допустить на минуту осуществимость такого обмена, то это послужило бы только к усилению террора в России, дав большевикам лишний стимул к арестам сотен новых жертв на предмет вымогательства будущих «обменов».

Все это коммунисты отлично понимают. И мы поэтому не можем рассматривать их предложение об обмене иначе, как демагогическую попытку уклониться от действительного решения вопроса о «жертвах гражданской войны».

Существует лишь одна возможность помочь жертвам террора: это **борьба за амнистию**, за открытие тюрем, за политическую свободу.

Социалистические, синдикалистские и анархические организации всего мира не устают, вопреки клеветническим инсинуациям МОП'а, бороться за дело амнистии и свободы для жертв буржуазной юстиции. Лишь недавно под давлением указанных организаций проведена далеко идущая амнистия для политических пленников во Франции. Точно также и в Германии после недавнего коммунистического восстания в Гамбурге, германские коммунисты, главным образом усилиями социалистов, были спасены от кровавой расправы и здесь удалось добиться того, что не было произведено ни одной смертной казни.

Социалистические, синдикалистские и анархические организации Европы и Америки будут, несомненно, и впредь со всей энергией бороться за амнистию в своих странах.

Очередь за коммунистами! Пусть евро-

пейские компартии, ни в одной стране ни разу не осмелившиеся выступить против преследований социалистических рабочих в Сов. России, теперь проявят хотя бы малую долю той энергии в борьбе за амнистию в России, какую европейские социалисты и анархисты проявляют в борьбе за амнистию в Европе.

И пусть их руководители и вожди, **русские большевики**, обладающие у себя всей полнотой власти, сделают то, что они могут сделать одним росчерком пера.

Пусть они откроют двери тюрем, чекистских застенков, гиблых мест ссылки и концентрационных лагерей для томящихся в них политических заключенных.

Это, но только это, могло бы удвоить, удесятерить энергию всех социалистов Европы в борьбе за освобождение жертв гражданской войны и террора.

Это и только это может быть лозунгом всех революционных организаций России. И рабочие всего мира должны наши требования поддерживать.

Заграничная делегация Р. С. Д. Р. П. Заграничная делегация партии Социалистов революционеров.

З. Д. П. Лев. С.-Р. и Союза С.-Р. — Максималистов.

Московское Общ. помощи арестованным в России анархистам.

Объединенный Комитет защиты заключенных в России революционеров.

ТЕКУЩАЯ ХРОНИКА РЕПРЕССИЙ.

В конце октября 1924 г. в Москве произошли большие аресты среди лев. с.-р. и максималистов. Среди них арестованы Г. А. Нестоев, С. А. Ципина, А. А. Селиванова, Н. Н. Карпова. Первые трое сосланы в Соловки, Карпова — в Туркестан.

В Тамбове арестован лев. с.-р. Н. И. Жданов.

В Харькове арестован и высылается на север л. с.-р. Требелев.

В Киеве, Одессе и Полтаве арестованы л. с.-р. и максималисты М. Шелонин, Фаня Левит, Давыдовский, Штемберг, Зламанов, Я. Карпов. Все они были высланы в Харьков и оставлены на свободе под подпиской о невыезде, до решения вопроса об их ссылке.

В Красноярской ссылке умер л. с.-р. Михаил Богданов, один из старейших борцов октября. Слава памяти его.

Собобщают, что имели место аресты среди московских анархистов из группы А. Карелина.

В середине октября 1924 г. согласно распоряжениям полномочного представителя ГПУ по Западному Краю имели место многочисленные обыски и аресты среди анар-

хистов и заподозренных в причастии к анархическим организациям. Между прочим, арестованы: К. В. Говар, член Всерос. Федерации Анархистов, сотрудник анархических изданий, его жена Любовь Говар, И. Ф. Бобр, (крестьянин), М. И. Седнев (рабочий), Н. Черепок (служащий), А. А. Лицкевич (крестьянин), П. Юрченко (рабочий), Балонкевич (рабочий), Родкевич (студент), Лихтенко, Гюров и другие.

Не лишне подчеркнуть, что при обысках была забрана не только частная переписка,

статьи и т. п., но и легальная анархическая литература, произведения П. А. Кропоткина и др.

Заграничная делегация партии л. с.-р. и союза с.-р. максималистов — И. З. Штейнберг.

Московское О-во помощи арестованным в России анархистам — Александр Беркман.

Секретарь Об'единенного Комитета —

Марк Мрачный.

Организационные заметки

ПОБЕДА В МОБИЛ, АЛА.

В январском номере «Голоса Труженника» мы сообщали о набегах на помещение И. Р. М. в городе Мобил, штат Алабама, во время которых было много арестов и 13 товарищей были заключены в тюрьму. Теперь все эти 13 тов. освобождены и снова направились на места производства с целью пропаганды идей революционного индустриального юнионизма и организации рабочих. Но не это мы называем победой, хотя и считаем очень важным факт освобождения заключенных товарищей. Мы считаем победой то, что попытки слуг капитализма парализовать работу И. Р. М. в городе Мобил и закрыть ненавистное им помещение, потерпели крах, разбились о стойкость борцов, которые ни на минуту не прекращали своей деятельности. Это доказывает, что революционно организованные рабочие — сила, которая может побеждать.

УЗНИКИ СЕНТРАЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ.

Лесные бароны штата Вашингтон, отправив на основании ложных показаний подкупных свидетелей на долгие сроки тюремного заключения восемь тов. рабочих за оказание сопротивления напавшим на помещение И. Р. М. в гор. Сентрاليا легионерам в день празднования заключения перемирия в 1919 году, имели в виду заживо похоронить преданных рабочему классу борцов и тем избавиться от опасных для них пропагандистов. Выполняя свой злой заговор, эти бароны забыли то, что не все поддается их контролю. На этот раз они увидели, что никак нельзя остановить стремления рабочих вырвать из рук смерти своих товарищей. Пропаганда за освобождение жертв центральной трагедии вскрыла ложь капиталистического суда. Теперь очень многим уже стало понятно, что на-

ходящиеся в заключении товарищи не совершили того преступления, за которое их судили и что их посадили в тюрьму только потому, что это было выгодно для интересов сильных мира сего. Об этом свидетельствуют показания даже самих присяжных заседателей под угрозой вынесших обвинительный приговор. Но несмотря на все факты, доказывающие невинность наших товарищей, они все же продолжают изнывать в тюрьме. Для их освобождения требуется побольше давления на капитализм со стороны рабочих.

— Поддержите пропаганду за их освобождение.

ДЕЛО А. БЕРГА И Г. ВИРА.

Товарищи А. Берг и Г. Вир еще в 1922 году были осуждены по закону о «криминальном синдикализме» на долгие сроки тюремного заключения в штате Оклахома. На суде не было против них никаких существенных обвинений и приговор был вынесен, также как и в других подобных случаях, на показания подставных свидетелей. В настоящее время горячка закона о «криминальном синдикализме» заметно умирает даже в Оклахома, в этом гнезде Ку Клукс Клана, и есть надежды на освобождение товарищей Берга и Вира.

ПЕТИЦИЯ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ШУР'А ПОДПИСАНА ВСЕМИ ПРИСЯЖНЫМИ ЗАСЕДАТЕЛЯМИ.

Десять лет прошло с тех пор, как тов. Г. Шур был приговорен судом присяжных заседателей к пожизненному заключению за якобы совершенное им убийство наемника компании во время забастовки рабочих на одной из плантаций в штате Калифорния. Этот приговор был несправедливым. Подписанная петиция об освобождении Шур'а теми, которые судили его, подтверждает это. Но когда капиталу нужно

было отомстить активным участникам забастовки за их смелость требовать лучших условий труда, суд был верен своему хозяину и исполнял его волю.

Вместе с тов. Шур был осужден на пожизненное заключение и тов. Р. Форд, который, отбыв 10 лет, сам ходатайствует о помиловании. Но здесь важно добиваться не только освобождения, а заодно нужно добиться и установления невинности осужденных и таким образом еще раз доказать «верным гражданам», что суд всегда действует по указанию хозяев.

К СОЗЫВУ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНОГО С'ЕЗДА МОРЯКОВ.

Организационный комитет индустриального союза рабочих морского транспорта

обратился с призывом к морякам кругих стран прислать своих делегатов на с'езд, который созывается на 1 марта с. г.

Целью с'езда является выработать план для общих действий моряков во всех странах как в смысле организации, так и на случай выступлений против хозяев.

Причиной созыва такого с'езда послужил горький опыт прошлого, когда моряки терпели поражения в борьбе лишь потому, что не было между ними достаточной интернациональной связи и солидарности в борьбе.

Этот почин для столь нужного объединения моряков приходится только приветствовать и пожелать ему успеха в создании той революционной силы, которая на много облегчит и укрепит борьбу за свободу всего рабочего класса.

